

Лилия Лукина

НОВАЯ СУДЬБА

Лилия Лукина

Новая судьба

«Издательские решения»

Лукина Л.

Новая судьба / Л. Лукина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831482-7

Елена стала третьим человеком в Семье и в отсутствие начальства возглавила ее. В это время кто-то проник в дом Матвея и оставил записку «Будьте предельно осторожны». Но кто и о какой опасности предупредил Семью? Елена все выяснила, раскрыла старые тайны и соединила разлученных жизнью людей. Она не согнулась под ударами судьбы, а выстояла сама и помогла другим. И судьба щедро вознаградила ее за это. Елена встретила свою настоящую любовь, впереди у нее новая, счастливая судьба.

ISBN 978-5-44-831482-7

© Лукина Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	44
Глава 4	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Новая судьба

Лилия Лукина

© Лилия Лукина, 2016

ISBN 978-5-4483-1482-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Никогда не ожидала от себя, что умею так хорошо танцевать вальс. Я кружилась в танце с каким-то незнакомым мужчиной под странную мелодию дождя и чувствовала себя необыкновенно счастливой. Он говорил мне что-то смешное, я весело смеялась, но вдруг он схватил меня за плечо и начал трясти, взволнованно крича почему-то голосом Галины, няни моего сына Игоря:

– Матушка! Матушка Елена Васильевна! Проснись! Да проснись же ты!

– А?! Что?! – подскочив на кровати, спросила я, зажмурившись от света, а в комнате все продолжала звучать музыка релаксации – птичье пенье в дождливом лесу – которая включалась автоматически, стоило мне лечь на постель. – С Игорем что-то?

– Да бог с тобой! – негодуя отмахнулась она.

– Тогда, что? – уже спокойнее спросила я, недоумеваю, что могло привести эту каменно спокойную бабушку с очень богатым уголовным прошлым в такое неменяемое состояние. – Кстати, который час?

– Да начало седьмого всего, – извиняющимся голосом сказала она. – Только Вадим Родионович уж очень настойчиво просил тебя разбудить.

Оп-па! Вадим был секретарем Матвея, который сейчас пребывал в свадебном путешествии, показывая своей молодой жене никогда ей прежде невиданные красоты мира. «Только бы с ними ничего не случилось!» – мысленно взмолилась я, а в трубку сказала:

– Орлова слушает!

– Елена Васильевна! – напряженным голосом сказал Вадим. – Извините, что беспокою, но боюсь, что вам придется прервать ваш отдых в санатории и вернуться в усадьбу. Владимир Иванович вчера срочно вылетел в Москву и оттуда сразу же за границу. Таким образом, на хозяйстве остаетесь вы как его заместитель. Вертолет за вами я уже выслал, он будет минут через двадцать. И машина за вашими вещами тоже уже вышла, так что время на долгие сборы не тратьте, пожалуйста.

– Что-то случилось? – мгновенно насторожившись, спросила я.

– Да! – предельно серьезно сказал он.

– Уже собираюсь! – коротко ответила я и встала с кровати – музыка тут же смолкла.

– Матушка! – грозным голосом сказала Галина. – Не мотай мне нервы! Говори прямо, что стряслось? Какой беды нам ждать?

– Сама еще толком ничего не знаю, но, судя по тону Вадима, ничего хорошего, – вздохнув, ответила я и распорядилась: – Собирай Игорька! Ты вместе со мной на вертолете вылетаешь, а Марина, – это была горничная из усадьбы Матвея «Сосенки», откомандированная вместе со мной в санаторий, чтобы я во время отдыха не отвлекалась на всякие бытовые проблемы, – пусть вещами займется. Ее попозже моя машина заберет, и она отвезет их в мою квартиру. И поторопись! – распорядилась я и вздохнула: – Вертолет будет уже совсем скоро, – и направилась в сторону ванной.

– Матушка! – осторожно спросила мне вслед Галина. – Да я смотрю, ты, никак, с Орловым встретиться боишься?

– Нет! – отрывисто бросила я на ходу, но потом повернулась и объяснила: – Я для себя все уже давно решила, а вот он, судя по тому, что ко мне на свадьбе подошел и каким подошел, – выделила я, – с моим решением не смирился. Вот это-то меня и напрягает!

– Подошел-таки! – всплеснула руками Галина. – Вот паразит! Ну, я ему!

– Не вмешивайся! – приказала я. – Сама разберусь!

Стоя под душем, я предавалась невеселым размышлениям о неожиданно свалившейся на меня проблеме. Являясь третьим человеком в Семье Матвея, я в отсутствие его самого

и Пана, как мы для краткости звали Владимира Ивановича Панфилова, должна была руководить всей деятельностью Семьи, о которой, в смысле – деятельности, имела пока очень смутное представление. Но не только это меня волновало. Я не знала, как мне себя вести с моим бывшим мужем, в недавнем прошлом военным летчиком, гвардии полковником и командиром авиационного полка Владиславом Николаевичем Орловым, по прозвищу Батя, с которым у меня не было ни малейшего желания встречаться. А ведь придется!

Собирая свою сумку, я осторожно положила туда простоявшую все эти дни на прикроватной тумбочке Снежинку, брелок-козочку, которую когда-то Игорь подарил мне на счастье, предварительно погладив ее по завиточку на лбу, как я это всегда делала перед очередным расследованием, чтобы не спугнуть удачу.

– Помогите мне, Снежинка! – шепотом попросила я. – Кажется, случилось что-то очень нехорошее и мне без тебя никак не обойтись.

Мои опасения по поводу Орлова оказались совершенно напрасными. Он даже не высунулся из кабины пилотов, отделившись дежурным «Доброе утро!», брошенным через открытую дверь, а близнецы Саша и Леша Репнины, его бывшие подчиненные и самые преданные на свете друзья, быстренько и тоже без лишних слов погрузили нас в вертолет и мы взлетели. До этого я уже дважды летала на вертолете, так что полетов уже не боялась и стала от нечего делать осматриваться в вертолете Матвея, где была впервые – рассуждать о том, что могло случиться в усадьбе, было совершенно бесполезно из-за полного отсутствия исходной информации.

В «Сосенках» на вертолетной площадке меня уже ждал Вадим. Галина с Игорьком тут же отправилась в его детскую, а меня он, прихрамывая гораздо сильнее обычного – вероятно, из-за волнения – так ничего и не объяснив, быстро повел на второй этаж прямо к кабинету Матвея. Он с трудом отпер замок (эта комната была единственной в доме, которая в с е г д а, если хозяина не было внутри, запиралась на ключ) и молча показал на лежавший на столе лист бумаги, на котором было всего три слова: «Будьте *предельно* осторожны!». Прочитав это предупреждение, я почувствовала, как у меня между лопатками потекла струйка холодного пота, и невольно сжала кулаки, но вслух насмешливо сказала:

– Фу, как неинтеллигентно! Мог бы подписаться как-нибудь! Например: «Доброжелатель». А что? Очень уместно было бы! Кстати, Вадим Родионович, посмотрите-ка вы внимательно по сторонам! Как бы этот самый «доброжелатель», – с издевкой в голосе сказала я, – не спер из кабинета чего-нибудь. От таких незваных гостей всего, чего угодно, ожидать можно.

– Да, вроде бы все на месте, – пожал плечами Вадим.

– А вы все-таки посмотрите! Посмотрите! Но только глазками! Глазками! А руками ничего не трогайте, а то вдруг этот визитер-инкогнито нам тут бомбу подложил. А я вам помогу!

Я стала медленно обходить кабинет в поисках каких-нибудь следов чужого присутствия, но ничего подозрительного не заметила. Окна были закрыты и, судя по виду, в последнее время не открывались.

– Все в порядке, Елена Васильевна, – сказал, наконец, Вадим. – Ничего не пропало.

– Нет, ну что за честные взломщики пошли! – притворно восхитилась я, а потом, нахально покопавшись в столе Матвея и найдя прозрачный файл для бумаги, осторожно взяла ногтями записку и аккуратно положила в него. – Ладно, Вадим Родионович, давайте оставим здесь все, как есть, запрем кабинет и пойдем себе восвояси. Вот приедет начальство, пусть у него голова и болит.

Вадим удивленно уставился на меня и хотел что-то сказать, но я, приложив палец к губам, остановила его, и только тогда, когда мы вышли в коридор и он запер дверь кабинета, сказала:

– Я все это специально говорила на тот случай, если этот типчик там «жучок» оставил. Пусть думает, что мы ничего сами предпринимать не будем. Вы Павлу уже сообщили, что у него кабинет вскрыли?

– Нет! – помотал головой Вадим. – Они же спят еще! Разница во времени.

– Ну и не надо их беспокоить! Пусть спокойно отдыхают. А Пану?

– Он вне зоны досягаемости, – развел руками Вадим. – Вот уж, как на место прибудет, тогда сам с нами и свяжется.

– Да-а-а... Дела! Ладно, Вадим Родионович. Давайте-ка мы с вами пока решим, где бы нам сесть и обстоятельно поговорить.

– Можно в библиотеке, – предложил он.

– Можно-то можно, – задумчиво сказала я, – но подальше от чужих ушей лучше будет, – и решительно закончила: – Погода, конечно, не располагает, но набрасывайте-ка вы куртку и пойдем мы с вами в беседку для жутко конфиденциальной беседы, а то тут еще ни шиша не ясно, а услышит кто-нибудь что-нибудь краем уха и взбаламутит весь дом.

Вадим быстро заскочил в свою комнату, находившуюся, как и кабинет, на втором этаже в конце коридора, вернулся уже в куртке и мы с ним направились к выходу. Выйдя во двор, мы прошли до беседки, стоявшей возле самой ограды, закрывавшей отвесный спуск вниз к Волге, и я, усевшись, закурила и спросила:

– Когда там наши молодые собираются вернуться?

– Завтра...

– Ну и, слава богу! – обрадовалась я. – Тогда нам с вами, как тому Мальчишу-Кибальчишу, надо только день простоять да ночь продержаться до приезда Павла Андреевича.

– Да нет! Вы меня не так поняли! – охладил мой пыл Вадим. – Это изначально Павел Андреевич планировал вернуться завтра, потому что у него на ближайшие дни были намечены некоторые неотложные дела, в том числе и переговоры с очень серьезными партнерами, которые он хотел провести лично. Но вчера днем он позвонил мне и велел провести переговоры самому, потому что они в Париже задержатся, оттуда вылетят в Гамбург и уже оттуда чартером домой, чтобы в Москве пересадки не делать. Так что прилетят они только к его дню рождения.

– Понятно, – кивнула я. – А вам не страшно будет самому такие ответственные переговоры проводить? – уже задав этот вопрос, я поняла, что спросила что-то не то.

– Простите за нескромность, Елена Васильевна, – веско сказал Вадим. – но я не только двадцать лет провел бок о бок с Павлом Андреевичем и стоял у самых истоков создания нашей фирмы, но и, закончив экономический институт, являюсь доктором наук и свободно владею английским и немецким языками.

– Извините, Вадим Родионович, – покаянно сказала я. – Я всего этого действительно не знала. Та-а-ак! Что же мы имеем на данный текущий момент? День рождения у Павла, если мне память не изменяет, 10 апреля, а сегодня у нас еще только 4-ое, воскресенье начинается. Да-а-а... Худо дело! – вздохнула я. – Его – нет, Пана – нет, я ваших людей еще толком никого не знаю, а предстоит мне одной продержаться почти целую неделю в обстановке, максимально приближенной к боевой, если не в действительности боевой. Надо же, как совпало! – горестно качая головой, задумчиво говорила я и тут у меня в голове словно что-то перещелкнуло и я решительно потребовала: – А ну-ка, Вадим Родионович, давайте все с самого начала!

– Хорошо! – согласился Вадим и начал рассказывать: – Вчера мы с Владимиром Ивановичем пришли в кабинет за документами, потому что на одном из наших предприятий произошел некий прискорбный инцидент...

– А поконкретнее можно? – потребовала я.

– Елена Васильевна! Да зачем вам это? – удивился он.

– Вадим Родионович, для того, чтобы наша работа была более продуктивна, я расскажу вам одну старую притчу. Не возражаете? – Он только недоуменно пожал плечами, давая

понять, что время я для сказок выбрала совсем неудачное, но он готов потерпеть, и я начала рассказывать: – Жил да был когда-то один купец, и было у него два приказчика. Одному он платил двадцать рублей в месяц, а второму – сто. И вот этот первый, страшно обиженный на то, что получает намного меньше своего коллеги, спросил как-то у хозяина, с чего бы это вдруг такая несправедливость. Купец подумал немного, а потом показал ему на стоящий во дворе воз с мешками и велел пойти узнать, кто это приехал. Приказчик побежал и, быстренько вернувшись, сообщил, что это мужик с товаром приехал. Тогда купец послал его узнать, что же это за товар такой. Приказчик опять побежал и потом сказал, что это мука. Купец его снова послал и велел спросить, сколько ее. Приказчик опять побежал и, вернувшись, сообщил, что двадцать мешков. Купец опять послал его узнать, сколько крестьянин за нее хочет. Приказчик вернулся и сказал, что тот просит за нее двадцать рублей за пуд. Тогда купец послал приказчика узнать, а не уступил ли мужик в цене. Приказчик опять побежал и, вернувшись, сообщил, что если хозяин заберет весь товар, то он уступит муку по девятнадцать рублей. Потом купец позвал того приказчика, которому платил сто рублей в месяц, и отправил уже его к тому же мужику. Приказчик вернулся и сказал, что это приехал крестьянин из одной из близлежащих деревень и привез на продажу двадцать мешков муки, за которую просит по двадцать рублей за пуд, но, если купец будет брать всю партию, то он согласен уступить по девятнадцать. «Вот теперь-то ты понимаешь, – сказал купец двадцатирублевому приказчику, – почему я плачу тебе в пять раз меньше?». Смысл притчи уловили, Вадим Родионович? Так что не будьте таким двадцатирублевым приказчиком и расскажите мне внятно, с чувством, с толком, с расстановкой все, что здесь произошло, чтобы мне не приходилось вас постоянно переспрашивать. Итак, начинаем с самого начала.

От этой моральной порки Вадим сидел красный, как рак – видно его еще ни разу в жизни так не отчитывали, но мне было самым решительным образом плевать на муки его трепетной души, и он это понял, потому что проглотил обиду и начал рассказывать.

– Вчера была суббота, 3-ье апреля, – сухим, официальным тоном говорил он, – и я весь день провел в усадьбе – готовил отчет о работе к приезду Павла Андреевича, а Владимир Иванович сначала тоже был здесь, а потом поехал к себе домой. Ему туда из офиса позвонили и прочитали только что пришедшее по электронной почте письмо из Австралии, где Павел Андреевич является одним из крупнейших акционеров международного концерна по добыче и переработке редких металлов. Там произошла серьезная авария с человеческими жертвами, рабочие грозят всеобщей забастовкой, и потребовалось обязательное и срочное! – подчеркнул Вадим, – присутствие кого-то из руководства нашей фирмы. Владимир Иванович, естественно, тут же перезвонил мне и, быстро собравшись, приехал сюда за кое-какими документами. Я же в ожидании его начал названивать нашему представителю в Австралии, но!.. – он развел руками. – У них там уик-энд в разгаре. Святое время, когда ни до кого не доберешься. Так что я позвонил в наше московское представительство и попросил забронировать для Владимира Ивановича билет на ближайший рейс, которым, пусть и с пересадками, но можно добраться до места.

– Так Пан же по-английски, насколько мне известно, не говорит! – удивилась я.

– А с ним из Москвы переводчик вылетел, – объяснил Вадим и я, понятиливо кивнув, спросила:

– И часто у вас такие ЧП бывают?

– Бог миловал! Тьфу-тьфу-тьфу! – Вадим поплевал через левое плечо. – И, вообще, надо вам сказать, Елена Васильевна, что работа наша налажена так, что сбоев уже много лет не было. Ни одного! – подчеркнул он. – И поэтому мы, конечно же, были сильно обеспокоены. Так что Владимир Иванович прямо отсюда выехал в аэропорт и вылетел в Москву, потом в Австралию.

– Вадим Родионович, а поближе ничего подходящего нельзя было найти? – грубовато спросила я. – Кой черт потребовалось в Австралию забираться? Я, конечно, читала в журна-

лах об обширных интересах Павла по всему миру, в том числе и об Австралии, и еще тогда поразилась, на кой ляд ему это сдалось.

– Я тоже в свое время и именно по этой причине был категорически против нашего участия в этом предприятии, но предложение было слишком выгодным, и Павел Андреевич сумел убедить меня, что стоит попробовать.

И тут у меня возник совершенно обоснованный вопрос, ответ на который, во избежание возможных недоразумений, я должна была получить немедленно.

– Вадим Родионович! – постаралась, как можно деликатнее, спросить я. – А почему третьим человеком сделали меня, а не вас? Ведь вы, по сути, являетесь не секретарем Павла, а его заместителем по экономическим вопросам.

– Все правильно, Елена Васильевна, – мягко улыбнулся он. – Секретарь я действительно только по названию и ни одно серьезное решение, касающееся коммерческой стороны деятельности нашей фирмы, Павел Андреевич никогда не примет, не посоветовавшись предварительно со мной. Но, видите ли, я слабый человек, кабинетный работник, – он с грустной миной развел руками. – Я могу просчитать любую задачу и выдать ее оптимальное решение, но... Я никогда не смогу его реализовать, воплотить в жизнь, потому что у меня совершенно нет того, чем в избытке обладаете вы – характера, силы воли, упорства в достижении цели, настойчивости... Жесткости, наконец! И потом... Стань я официально заместителем Павла Андреевича, мне пришлось бы постоянно находиться в центре внимания, общаться с журналистами и все такое прочее. Не для меня это, Елена Васильевна! Совсем не для меня!

– Знаете, Вадим Родионович, – сочувственно сказала я. – Я ведь тоже не родилась такой вот бой-бабой. Меня такой воспитали.

– Я знаю вашу историю, – покивал он. – Но, вместе с тем, такое поведение для вас естественно, вы чувствуете себя, как рыба в воде. А вот, попытайся я себя так вести, выглядел бы смешно и нелепо. Так что не думайте, что я на вас в обиде, хорошо?

– Хорошо, Вадим Родионович, – согласилась я и предложила: – Но давайте вернемся к нашим баранам. Значит, как я поняла, ни вы, ни Владимир Иванович само письмо и в глаза не видели и знаете о нем только с чужих слов, так?

Он на мгновение задумался, а потом удивленно покивал головой:

– Выходит, что так!

– Ладно! – махнула я рукой. – Потом с этим разберемся, а сейчас давайте все про кабинет.

Он кивнул и начала рассказывать:

– Когда Владимир Иванович приехал в «Сосенки», мы с ним вошли в кабинет, взяли документы...

– Минутку! – перебила я его. – Кто конкретно открывал кабинет?

– Владимир Иванович своим ключом, – тут же ответил Вадим и пояснил. – Это дверь только выглядит, как деревянная, а на самом деле она стальная и огнеупорная, замок же к ней изготавливали по спецзаказу в Швейцарии. От этого замка существует всего три ключа. Первый – у Павла Андреевича, но он его перед отъездом оставил в усадьбе – у него в кабинете есть сейф с внутренним секретным отделением, шифр от которого знает только он. Вот в нем-то он и оставил и ключ, и еще некоторые вещи. Второй – у Панфилова, но он вчера его тоже здесь оставил и я его просто в сейф запер – у нас не принято в дальние поездки эти ключи брать. А третий – у меня, – он показал связку ключей.

Я взяла ее в руки и, найдя самый замысловатый, показала на него:

– Этот? – Вадим кивнул, и я спросила: – А Владимир Иванович вчера нормально открыл замок? Ничего не заедало, например?

– Нет, – уверенно сказал Вадим. – Все было, как обычно, а запирали кабинет уже я, и замок тоже нормально работал. Так вот вчера никакой записки на столе не было, а сегодня утром...

– Подождите! – остановила его я. – Во-первых, почему вы так рано пошли в кабинет, а, во-вторых, вашим ключом сегодня утром замок в первый раз нормально открылся или поддался с трудом, как и сейчас?

– Да не спалось мне – все думал, как же там такое могло произойти, – объяснил он. – Стал собираться, да вспомнил, что свой органайзер накануне в кабинете забыл, вот и пошел за ним. А насчет замка... – он задумался, вспоминая. – А вы знаете, Елена Васильевна, – с удивлением сказал он, – я ведь его действительно еле-еле открыл.

– Все ясно! – раздраженно сказала я, а он непонимающе на меня посмотрел. – Ключей от замка только три и они очень сложные, то есть таких заготовок ни у одного специалиста нет. Предположим, что некто исхитрился снять оттиск с ключа и обратился к какому-нибудь Самоделкину, чтобы тот изготовил ему дубликат. Но, не имея перед глазами оригинала, а еще лучше – самого замка, даже самый лучший мастер не сможет сделать точную копию, подогнать ее тютелька в тютельку. Поэтому, когда попытаются этим «левым» ключом открыть замок, он закапризничает, и нужно будет прилагать немалые усилия, чтобы его все-таки открыть, и при этом замок обязательно будет поврежден. Понимаете? – Вадим неуверенно кивнул. – Далее. Этот некто мог исхитриться поменять местами родной ключ и вновь изготовленный дубликат, но Панфилов вчера легко открыл замок своим ключом и вы своим тоже нормально закрыли – вывод: они у вас настоящие. А вот то, что сегодня утром вы открыли дверь уже с трудом, значит, что ночью замок отпирали или дубликатом, или отмычкой. Так какой у нас из всего вышесказанного напрашивается вывод? – я посмотрела прямо в глаза Вадиму. – Или это кто-то из домашних сделал себе дубликат и ночью лазил в кабинет, чтобы вот так по-идиотски пошутить, или в доме ночью был посторонний.

– Да никогда никто из обитателей усадьбы не решился бы войти в кабинет Павла Андреевича в его отсутствие, даже если бы дверь была открыта настежь! – гневно выпалил он. – А вы намекаете на то, что кто-то тайком сделал себе дубликат и ночью проник! Это невозможно! А охрана у нас такая, что и мышь не проскочит!

– Тогда найдите мне другое объяснение! – взорвалась я, и Вадим мрачно насупил. – Здесь, что, привидения ночью шастали? Или кто-то лунатизмом маялся? Так вчера не полнолуние было! Кстати, кто сейчас живет в усадьбе? Есть кто-то новые, которых я не знаю?

– Да нет, все те же, – буркнул он, еще не придя в себя. – Власов вот только в Москву по делам уехал, – он имел в виду троюродного брата Матвея и жениха его приемной матери Лидии Сергеевны Печерской. – А остальных вы всех знаете. В гостевом домике, где ваша мама с Орловым живут, теперь еще и Георгий Дмитриевич с Ниной Максимовной поселились. А еще там Вера Николаевна...

– Бабушка Ирочки? Мать ее родной мамы? – удивившись, уточнила я и он кивнул. – А она-то с какого перепуга сюда влезла?

– А ей Владимир Иванович разрешил, – объяснил Вадим. – Хочет она поближе к Ирине Георгиевне быть. Ведь счастье-то для нее какое – наконец, по-настоящему рядом с внучкой оказаться. Вот они с Ниной Максимовной все о ней и говорят: Нина Максимовна рассказывает, какая она дома была, а Вера Николаевна – какая в школе.

– И давно она здесь обретается?

– Да уже два дня.

– Черт побери! – не выдержала я. – Какое-то общежитие из усадьбы устроили! Ну да это не мое дело. А в данной ситуации оно и к лучшему, что все они в одну кучу собрались. Но это все родственники, а из обслуги никто новый не появился?

– Не знаю, можно ли их назвать обслугой, – с сомнением в голосе сказал Вадим. – Видите ли, после того, как из Принстона вернулся Григорий, сын Олега Кошечкина, Павел Андреевич решил создать своеобразный «техцентр», который занимается... – и тут он начал подозрительно путаться в словах. – Конечно, у нас на фирме есть специальное подразделение

по обеспечению информационной безопасности, и оно вполне справляется со своими обязанностями, но... – он помедлил, подбирая слова. – Понимаете, Елена Васильевна, во-первых, это подразделение тоже необходимо контролировать, а, во-вторых, бывают моменты, в которые нельзя посвящать даже очень доверенных, но посторонних людей. Сейчас в «техцентре», которых находится во втором гостевом домике, работают Олег с Григорием и Николай Егоров, которого вы сами прекрасно знаете, в их ведении и компьютерная сеть, и наша АТС, и кое-что другое.

– Подождите! – остолбенела я. – Когда же это Егоров успел в особо доверенные лица попасть? Он же в Семье без году неделя?

– Ну, – пожал плечами Вадим, – его проверкой занимался лично Владимир Иванович, и потом у Николая Владимировича еще нет права выхода с территории, к чему он, откровенно говоря, и не рвется – не слишком-то счастливо у него семейная жизнь сложилась. Так что он здесь в «техцентре» и живет – там есть жилые комнаты, да и Григорий тоже там же. Они оттуда практически и не выходят, там и едят – им весь свет в окошке монитор заменяет, – усмехнулся он. – А Олег постоянно живет здесь, в доме – у него, – Вадим на секунду замялся, – некоторым образом роман.

– На Николая не удивляюсь – ему действительно в родном доме делать нечего, разве что только ночевать, да и кроме компьютера ему ничего в жизни не надо, а вот то, что Григорий там отшельником сидит – странно. Мы, помнится, в его годы много чем интересовались, да и плотских утех не чурались, а у этих только папки с файлами и размножаются. Да-а-а... Странная молодежь пошла! Ладно, познакомлюсь я попозже с этим вундеркиндом. Сейчас для нас с вами главное то, что все трое ночью были в усадьбе. А что еще нового здесь произошло, пока я в санатории была?

– Да ничего, – пожал он плечами. – Раздел имущества ваших родителей произведен и коттедж теперь – собственность Зинаиды Константиновны, правда, она туда еще не перебралась.

– Естественно, – усмехнулась я. – Она же без Орлова дня прожить не может, а на каком основании он теперь будет там жить, если мы с ним разведены?

– Кстати, об Орлове. Контейнеры с его вещами прибыли, но Панфилов распорядился их пока не разгружать, потому что некуда. В ваш коттедж, как вы правильно заметили, уже нельзя, а в гостевом домике своя мебель есть. Вот уж как Светлану найдут, определятся они с Орловым, где жить будут, тогда и до вещей дело дойдет.

– Хорошо, что напомнили, – спохватилась я. – Ее еще не нашли?

– К сожалению, нет, – вздохнув, ответил он.

– Черт! – выругалась я. – Ну, сколько можно копать?! Не иголка же она в стоге сена! – Вадим на это только развел руками. – Ладно! Отыщется же она когда-нибудь! А что на заводе? Я имею в виду поиски тайника.

– Тоже ничего. Павел Андреевич сказал, что...

– Да знаю я, что он сказал! – отмахнулась я. – Что наткнуться на него мы можем только случайно, потому что в старину такие вещи умели делать. Так?

– Так, Елена Васильевна, – кивнул он. – Работы там постоянно ведутся, но результатов пока никаких нет.

– Плохо! – выразительно сказала я и спросила: – А об Уразбаевой какие-нибудь новости есть? – Вадим только отрицательно покачал головой. – Жаль! Как бы я хотела, чтобы у них с Владимиром Ивановичем все наладилось! – вздохнула я.

Дело в том, что после того, как от Панфилова ушла жена, они с Юлей стали жить вместе. Она-то его давно любила, а вот он считал ее серой домашней мышью, постоянно сравнивал с бывшей женой – дамой яркой и эмоциональной – и относился соответственно. Юля не выдержала этого и уехала. Известие же о том, что она оказалась на самом деле совершенно незаурядной личностью, которая не только смогла найти Ирочку, но и потом на протяжении мно-

гих лет защищала ее от всяческих жизненных невзгод всеми возможными способами, вплоть до самых крайних, здорово подкосило Владимира Ивановича. Он-то ее, наконец, оценил по-настоящему, а вот она... Она, по-видимому, возвращаться к нему совсем не собиралась.

– Значит, за это время в «Сосенках» новых непроверенных людей не появилось и не произошло никаких настолько значительных событий, который могли бы вызвать приступ столь буйной шизофрении, вылившийся в появление этой записки, – подытожила я. – Итого: это был посторонний.

– Да нет, Елена Васильевна, – помотал головой Вадим. – Я говорил со старшим смены охраны – все было абсолютно спокойно.

– Угу! – хмыкнула я. – Мне бы вашу уверенность! – и задала чисто риторический вопрос: – Так что же мы с вами, уважаемый Вадим Родионович, имеет на данный текущий момент? А имеем мы незаконное проникновение неизвестного нам лица на самым тщательным образом охраняемый объект – кабинет Павла Андреевича, где рекомое лицо порезвилось самым циничным образом, оставив лаконичную записку смутного содержания. Ну и как оно могло туда проникнуть? – это был еще один риторический вопрос и поэтому Вадим только пожал плечами. – Если начисто отменить предположение о том, что это кто-то из домашних, а охрана никого не засекла, то получается, что постороннего в дом провел опять-таки кто-то из домашних...

– Вы думайте, что говорите! – взорвался Вадим. – Вы хоть на секунду можете себе представить, кем для всех нас является Павел Андреевич?

– Это лирика, милейший! – огрызнулась я. – А я мент поганый, пусть и в прошлом, и в телекинез, телепортацию, барабашек и прочую нечисть не верю! Я на земле нашей грешной обеими ногами стою и мыслить привыкла категориями реальными! А предают, как совершенно справедливо говорят французы, только свои! Та-а-ак! – я задумчиво побарабанила пальцами по перилам. – А скажите-ка мне, сотовые, которыми Семья пользуется, оплачивает фирма?

– Естественно, – удивился Вадим. – Кто же еще! Кстати, для вас тоже приготовлен сотовый. Он, конечно, не золотой, как ваш собственный, но тоже очень престижный и надежный. Все необходимые номера в него уже занесены, так что вам не придется ни о чем заботиться, и об оплате счетов в том числе. Он сейчас в офисе – никто же не думал, что вам придется так срочно в город возвращаться, но я сейчас распоряжусь, и его привезут.

– Спасибо! – машинально поблагодарила я. – Можете не торопиться – мне пока и моего хватит, а в офис я сама попозже заеду и заберу! – и вернулась к тому, что меня сейчас волновало гораздо больше, чем оплата счетов за разговоры. – Значит, распечатки поступают в бухгалтерию, так? – Он кивнул. – Сказочно хорошо! Так вот, Вадим Родионович, можете считать меня, кем угодно, но их все нужно будет проверить: кто куда звонил и кому кто звонил, потому что... – и тут я увидела, что Вадим страшно смутился и, буквально не зная, куда девать руки, усиленно смотрит в сторону. – Что такое? – удивилась я.

– Дело в том, что эта работа проводится уже много лет, – смущенно пробормотал он. – Это было распоряжение Владимира Ивановича. И обычные звонки с наших городских телефонов тоже отслеживаются.

– Никогда не сомневалась, что Пан необыкновенно умный человек! – восхитилась я. – Кто в курсе этой работы и кто ее проводит?

– Павел Андреевич, Владимир Иванович, я и Олег Кошечкин, который ей и занимается. А теперь вот еще и вы знаете.

– А что? Олег с его аналитическим складом ума для этого дела человек самый подходящий, – одобрительно сказала я. – Поинтересуюсь у него попозже, не было ли в последнее время чего-нибудь подозрительного.

– Если бы что-нибудь было, то он тут же доложил бы Панфилову, а в его отсутствии – мне, – возразил Вадим. – А он ничего не докладывал.

– Угу! – для вида согласилась я, решив про себя, однако, что в этом направлении еще есть над чем поработать. – Хорошо, предположим, что домашние здесь не причем. Тогда остается тот вариант, что охрана прошляпила, а теперь стыдливо молчит. Ну и что мне теперь прикажете делать? – и стала перечислять: – Кабинет на «жучки» и на взрывчатку поверить надо? Надо! Замок проверить надо? Надо! А я ваших людей никого не знаю! А приглашать для этого людей со стороны – позора не оберешься. Ведь с мужика какую подписку о неразглашении ни возьми, а он все равно не удержится и похвалится своей законной мегере, как бы, между прочим, что у самого Матвея в усадьбе был, а уж она из него слово за слово вытянет и то, зачем его туда звали. А это копия на базар! Нам такая реклама нужна?

– Естественно, нет! – возмущившись даже от самого такого предположения, сказал Вадим. – Но только у нас и свои специалисты есть, и вам все равно рано или поздно пришлось бы с ними знакомиться. Так почему же не сейчас? – он выжидающе посмотрел на меня и я, подумав, кивнула. – Вот и хорошо! Я сейчас Светлову позвоню, и он со своими людьми приедет, – он собрался было набирать номер, но я остановила его, попросив:

– Вадим Родионович! Хотя бы в двух словах, кто такой Светлов?

Он задумчиво почесал переносицу и нехотя сказал:

– Вообще-то, вам бы лучше с Паном об этом поговорить, но...

– Но! – охотно согласилась с ним я. – Нет у нас времени и возможности Владимира Ивановича дожидаться, так что излагайте сами.

– Да, придется, – поморщился он. – Дело в том, что в свое время, в пору становления фирмы, нам неоднократно приходилось противостоять некоторым враждебным поползновениям и в целях их пресечения, в том числе и в дальнейшем, а также возможности принимать превентивные меры безопасности...

– Я уже все поняла! – перебила его я. – На вас наезжали, вот вы и создали группу быстрого реагирования, и командует ей Светлов. Так?

– По сути так, – согласился он.

– А что он сам собой представляет?

– Светлов Кирилл Владимирович, майор-спецназовец... В прошлом, конечно, – добавил он. – Когда его в Афганистан направили, он жену с детьми сюда, к родителям привез. А потом на него «похоронка» пришла. Жена детей забрала и к своим родителям уехала. Погрустила там некоторое время да и снова замуж вышла. А он, оказывается, раненый в плен попал. Вернули его потом, – Вадим болезненно скривился, – мало на человека похожего. Приехал он в Баратов, к отцу с матерью – куда же ему еще деваться? А тут и документы восстанавливать надо, и доказывать, что ты не верблюд, тоже... Словом, хлопот выше крыши. Начал он пороги обивать, а один деятель в погонах ему и намекнул, что все это можно очень быстро сделать, если...

– Если дать, кому надо, на лапу, – невесело закончила за него я. – И немало.

– Да, – подтвердил Вадим. – А Кирилл, услышав такое...

– Жив-то тот деятель остался? – уже поняв, чем все это закончилось, спросила я.

– Остался, – кивнул он. – Но скандал был большой. Подонок тот ему все один на один, без свидетелей сказал и слова эти к делу не подошьешь, а вот сломанные нос с челюстью – налицо, точнее, на лице. Может, и посадили бы Кирилла, а, может, невменяемым признали бы, что не лучше – среди психов жить, да только до Панфилова эта история дошла. Встретился Владимир Иванович с ним, поговорил... Подлечили мы его основательно... Вон он с тех пор и...

– С тех, это с каких? – уточнила я.

– Да уже лет десять, – немного подумав, ответил Вадим.

– Значит, верить ему можно? – продолжила допытываться я.

– Павел Андреевич с Владимиром Ивановичем верят ему безоговорочно, – прямо глядя мне в глаза, твердо заявил он.

– Ну, значит, и мне в нем сомневаться не приходится, – подытожила я и согласилась: – Ладно! Немедленно вызывайте всю светловскую команду в полном составе и со всем оборудованием. Собаки у них есть?

– Есть, – подтвердил Вадим. – Овчарки.

– Значит, и с собаками! – распорядилась я.

Он послушно достал телефон, а я посмотрела на часы и решила, что звонить почти в полвосьмого утра вполне прилично. Достав свой сотовый, я набрала домашний номер Пончика, то есть Федора Семеновича Солдатова, полковника милиции в отставке и моего недавнего заместителя в детективном агентстве, которым он теперь, после моего ухода на повышение, и руководил.

– Семеныч! – сказала я, когда он окончательно выдохся, вывалив на меня все свои поздравления и с выздоровлением, и с выходом на новое место работы, и, наконец, спросил, что у меня случилось. – Собирай всех «следаков», что у тебя в агентстве есть! Всех! Понял? И тех, кто в отпуске, в отгулах, прогулах и на выходных тоже! И срочно, – выделила я, – дуйте в усадьбу. Подробности – при встрече!

– Да, что стряслось, Елена? – напряженным голосом начал, было, он по старинке, но, вспомнив, что я теперь опять его начальство, причем гораздо более высокого уровня, чем раньше, тут же сменил интонацию и твердо меня заверил: – Выполню, Елена Васильевна. Что-то еще?

– Пока все! Остальное, как я уже говорила, при встрече. Жду! – и, закончив, как обычно: – Целую, Муся! – отключила телефон и посмотрела на Вадима, который тут же отпартовал:

– Уже собираются.

– Значит, нам остается только ждать, – вздохнула я, направляясь к дому. – А пока пойдемте оттаивать: апрель апрелем, а подмерзла я изрядно. Завтрак, как обычно, в половине девятого? – спросила я и он кивнул. – Неприятный десерт я всем приготовила, но придется им его проглотить. Ох, чувствую я, и нахлебаемся мы с этим делом горячего до слез!

Я посмотрела на Вадима и он, хоть и мало что пока понимал в происходящем, согласно кивнул. Да я и сама еще до конца во всем не разобралась, но кое-что уже отчетливо прорисовывалось и это что-то мне активно не нравилось. В доме я сразу прошла в детскую, где застала спящего в коляске Игорька (кроватьку должны были попозже привезти из санатория) и разбравшую вещи Галину.

– Сядь! – попросила я ее и она, удивленно глядя на меня, послушно уселась напротив. – Ты, насколько я знаю, среди прислуги за главную?

– Уважают меня, – солидно подтвердила она.

– Ну, тогда ответь мне, кто из прислуги способен подделать ключ от кабинета Павла Андреевича, влезть туда и хохмы ради оставить на столе идиотскую записку?

Вытаращившись на меня, она сначала похватила ртом воздух, потом нервно засмеялась и, обретя, наконец, дар речи, сказала:

– Да ты чё говоришь-то, матушка? Да у кого ж рука в доме на такое поднимется? Ты об этом и не думай даже! Да такое никому даже спяну в голову не придет! Скорее повесятся, чем такое сотворят!

– Допустим, – кивнула я. – А...

– Да не допустим, а точно я тебе говорю! – гневно выпалила она, перебив меня.

– Хорошо, допустим, это так, – упрямо повторила я. – А что ты скажешь по поводу Олега с Григорием.

– Ты, матушка, Олеженьку не трожь, – с глухой угрозой в голосе пророкотала она.

Пораженная произошедшей с ней внезапной переменой я внимательно посмотрела на нее и вдруг она под моим взглядом покраснела, как девчонка, и, смутившись, отвела глаза.

– Так это у него с тобой роман, – поняла я.

– Ну, не роман, – явно кокетничая, ответила она, а потом возмущенно спросила: – А чё? Я еще женщина нестарая, да и он, если к нему умеючи да с лаской, мужчина хоть куда.

– Да делайте вы, что хотите! – отмахнулась я. – Ты мне скажи, он на такое способен, пусть даже из самых лучших побуждений? Например, чтобы предупредить нас о какой-нибудь угрозе? Или бдительность подстегнуть?

– Никогда! – определенно отрезала она. – Узнай он чего, так тут же к кому-нибудь из хозяев пошел бы, а потихоньку? – она помотала головой и повторила: – Никогда!

– А Григорий?

– Гришенька-то? – переспросила она и, подумав, категорично ответила: – Нет! Он же еще дите сущее! – и спросила: – Ты, матушка, знаешь, что ему после университета в Америке предлагали остаться? Большие деньги сулили? А он сюда вернулся! И знаешь, чего он сказал?

– Ну, что?

– А то, что все Кошечкины испокон веков Матвеевым верой-правдой служили и он не выродок, – торжественно произнесла Галина. – Так что ты на него не думай! Он парень скромный и головастый! Целыми днями в свой компьютер пялится...

– А ночами? – поинтересовалась я.

– Хм! – остановленная на половине фразы Галина откашлялась, а потом шепотом призналась: – Да с Машкой с кухни он шуры-муры крутит. Оно и понятно: дело молодое и организм своего требует. Да только понимает она, что не пара ему, так что временно все это! Временно и несерьезно!

– Ну, а про Егорова я и сама знаю, что он такого не учудил бы, – грустно сказала я и Галина настороженно на меня уставилась. – Значит, скорее всего, это все-таки был чужой, – я устало закрыла лицо руками.

– Матушка! – Галина отвела мои руки и пристально уставилась мне в глаза. – А чего в записке-то было?

– Всего три слова, Галина: «Будьте предельно осторожны», – ответила я.

– Ах ты, батюшки! А ведь это и вправду чужой кто-то был! – невольно воскликнула Галина и Игорек, проснувшись от ее вскрика, завозился в своей коляске, а она тут же бросилась к нему. – Ну, вот что, матушка! – решительно заявила она, беря его на руки и укачивая. – Ты, как хочешь, а я Игорька в свою комнату заберу! Уж там-то я к нему никому подойти не дам! – и она, успокоив малыша, уложила его обратно и бросилась быстро собирать его вещи, а потом, взяв коляску и кивнув мне на узлы, командирским голосом распорядилась: – Пошли!

Когда мы перебрались в ее комнату, где застали ужасно смутившегося при виде меня Олега, она, освободив место для коляски, взгромоздилась на стул и достала из какой-то коробки с шифоньера тряпичный сверток. Грузно спустившись обратно на пол, она развернула материю, и у нее в руках оказался пистолет, который она сноровисто вытерла этой же тряпкой и небрежно положила в карман передника.

– Ну, Галина! – хмыкнула я. – Ты с ним прямо, как повар с картошкой! Стреляешь-то хорошо?

– До сих пор никто не жаловался! – двусмысленно ответила она и добавила: – Ты, матушка Елена Васильевна, за сына своего спокойной будь – я любому, кто к нему сунется, башку прострелю. Сглотнет пульку и не подавится – у меня не заржавеет! Ты, главное, дело свое делай, а оно, я чувю, ох и непростое будет!

– Спасибо тебе, Галина! – совершенно искренне поблагодарила я, а она на это только отмахнулась:

– Не то ты что-то говоришь! – а потом повернулась к Кошечкину и сказала с ласковой вкрадчивостью обозленной до предела медведицы, с которой она у меня всегда ассоциирова-

лась: – А ты, Олеженька, друг сердечный, не стой столбом, а сходи-ка в детскую и остатные вещи ребеночка принеси!

Олег торопливо и с готовностью вышел из комнаты, а я запоздало поинтересовалась:

– А Игорек вам тут не помешает?

– Да ты чё, матушка? – удивилась она. – Олеженька-то, как у него свободная минута выдастся, так к мелюзге бежит! – она имела в виду младших Репниных. – Возится с ними, пока не разгону! – умильным голосом говорила она. – Со своим-то, когда он маленьким был, ему повозиться не пришлось, так он теперь мечтает, что, как Гришеньку до ума доведет и дела ему передаст, так малышам дядькой станет, воспитывать их будет. А тут такой карапуз замечательный у нас в комнате появился! Вот уж ему радость-то будет!

Несмотря на категоричные заверения Вадима и Галины, что никто из своих к этому делу не причастен, эта мысль никак не хотела выходить у меня из головы и я осторожно поинтересовалась:

– Слышь, Галина! У вас тут горничная одна есть, судя по всему, лихой карманницей она когда-то была...

– Так это Тамарка! – тут же поняла меня Галина. – Золотые у девки руки! Да и Маринка, что с нами в санатории была, не хуже будет! – восхищенно добавила она, а потом, спохватившись, удивленно сказала: – Ты, чё, матушка? Это же, по-научному говоря, квалификация совсем другая! Да и потом Тамарка со Светловым любовь крутит! Не-е-ет! Это не она. А Маринки тут ночью и не было!

– Ты меня неправильно поняла, – объяснила я. – Подошли-ка ты ко мне Тамару – дело у меня для нее есть.

– Ой, задумала ты чегой-то, матушка! – неодобрительно покачала головой Галина, но твердо пообещала: – Подошлю, конечно! Куда ж я денусь!

Успокоившись за своего сына, я отправилась в столовую, где уже начали потихоньку собираться все обитатели усадьбы. При виде меня Лидия Сергеевна удивленно вскинула брови:

– Леночка! Вы же еще в санатории должны быть! – но, внимательно взглядевшись в мое лицо, все поняла и спросила: – Что-то случилось?

– Да! – подтвердила я. – Новость у меня невеселая, но, чтобы не портить никому аппетит, предлагаю поговорить обо всем немного попозже. Кстати, – сказала я, повернувшись к одной из горничных, которые в этот момент вкатывали в комнату столики с едой, – передайте, чтобы вся без исключения, – подчеркнула я, – обслуга дома и те, кто живет в гостевом, собралась после завтрака в каминной.

Естественно, что после этих моих слов, завтрак прошел в гробовом молчании, и настроение у всех было прямо-таки похоронное. Когда горничные сервировали кофе, в дверях появился Семеныч, немного смущенный и озадаченный, но настроенный, судя по виду, весьма решительно, и высокий седой мужчина в «камуфляже», как я поняла, это и был Светлов. Печерская, знавшая, в отличие от меня, обоих, радушно пригласила их присоединиться к нам, но тут же невольно посмотрела на меня, словно не зная, имеет ли она по-прежнему на это право или нет.

– Ли-и-идия Сергеевна! – укоризненно протянула я. – Ну, не делайте вы из меня дракона огнедышащего! Кому же командовать в доме, как не вам! Ничего не изменилось, поверьте!

Солдатов со Светловым выпили с нами кофе, а потом мы все дружно перешли в каминную, где уже собрались все обитатели усадьбы, в основном, конечно, прислуга, среди которой странновато смотрелись Кошечкины с Егоровым, моя мама с Орловым, в сторону которых я старательно не смотрела, и Вера Николаевна.

– Дамы и господа! Новость у меня крайне неприятная! – жестко начала я, оглядывая собравшихся, которые смотрели на меня настороженно, выжидающе и даже с каким-то испугом. – Сегодня утром Вадим Родионович нашел на столе в кабинете Павла Андреевича записку,

которой вчера вечером там не было, – и я показала присутствующим файл с вложенным туда листом бумаги. – Для тех, кто не видит со своего места, зачитываю: «Будьте предельно осторожны!». Слово «предельно» подчеркнуто.

Услышав это, все в ужасе уставились на меня, а Лидия Сергеевна, буквально подскочив на месте, схватилась руками за щеки и, явно балансируя на грани истерики, почти взвизгнула:

– Это невозможно! Этого не может быть!

«Что-то она лишку нервничает!» – подумала я, а вслух сказала:

– И вместе с тем, это именно так. Замок был открыт или поддельным ключом, или отмычкой. Если это дурацкая шутка кого-то из домашних, прошу признаться в этом здесь и сейчас. Ничего не могу сказать за Павла Андреевича и Владимира Ивановича, но сама твердо гарантирую, что никаких карательных санкций к виновному применять не буду. Так... Поговорю tete-a-tete без соблюдения общепринятых норма вежливости и приличия и все. Итак, я жду!

Я внимательно оглядывала собравшихся, но ни на одном лице не заметила ни тени смущения или скрытого торжества от того, что он поднял такой шум и переполох, никто не отвел взгляд и не опустил глаза. Все тарачились на меня, испуганно переглядывались и, кажется, не могли до конца поверить в то, что кто-то осмелился совершить такое святотатство – залезть в кабинет хозяина.

– Ну, что ж! – немного подождав, сказала я. – Если это все-таки кто-то из вас, но не находит в себе мужества признаться публично, то, я думаю, он или она найдет возможность поговорить со мной наедине в течение дня, пока события не приобрели необратимый характер, потому что в противном случае... – я многозначительно помолчала, оглядывая всех и уж в чем – в чем, а в том, что мой взгляд в этот момент любовью не светился, я была более чем уверена. – Есть еще один вариант: на территории «Сосенок» и в доме был совершенно посторонний человек. Чужой нам всем человек! Как он мог сюда проникнуть, я буду еще разбираться и разберусь! – с нескрываемой угрозой в голосе сказала я и, спохватившись, спросила: – Я уже знаю, что Власов в Москве, а где Остерин с женой?

– Георгий Дмитриевич немного приболел, а Нина Максимовна за ним ухаживает, – объяснил Вадим и я кивнула:

– Ясно! – и продолжила: – Итак! Повторяю: в дом проник чужой человек, а поскольку он человек, а не дух бесплотный, то хоть какие-то следы своего здесь присутствия он должен был оставить. И вы эти следы видели. – Ответом мне был глухой, но гневный ропот. – А я говорю: видели! – жестко повторила я. – Но человеческая память невероятно причудлива и избирательна. Вы обязательно обратили внимание на какую-то странность, вы мимоходом отметили ее, но тут же забыли о ней, у вас просто осталось ощущение, что что-то не так, но что именно, вы в тот момент не поняли. – Собравшиеся, молча, переглянулись, и по их лицам я увидела, что до них дошло, о чем я говорю. – Здесь находится всем вам хорошо знакомый Федор Семенович Солдатов. Он привез сюда людей, которые самым подробным образом побеседуют с вами...

Тут раздался глухой ропот:

– Допрашивать, что ли нас будут?.. Дожили! – и все подобное в этом же духе.

Мне пришлось добавить металла в голосе и уже, не сдерживаясь, рявкнуть:

– Не доп-ра-ши-вать! Для слабослышащих повторяю: бе-се-до-вать! Для того, чтобы помочь вам вспомнить любые отклонения от обычного, повседневного течения жизни! Они по много лет проработали следователями в милиции и зубы проели на том, чтобы помочь свидетелю вспомнить малейшие детали того, что он видел! Так что не фордыбачьте, а сотрудничайте! Важна любая мелочь! Чашка не на том месте стояла! Стул переставлен! Портгера задернула не так! – и тут я увидела, как одна их кухарок, судя по ее халату, открыв рот, пристально на меня уставилась. – Вы что-то хотите сказать? – обратилась я к ней. – Она замялась, и я опять повторила, но уже гораздо мягче и проникновеннее: – Поверьте! Важна каждая мелочь!

– Да я... – неуверенно начала она – видно ей нечасто приходилось не то что говорить в присутствии хозяев, а просто даже бывать в этой части дома – но я ободряюще ей улыбнулась, и она уже смелее сказала: – Да крюк на «черной» двери утром откинут был. А я же сама видела, как Лидия Сергеевна вчера вечером дверь на ключ заперла и повесила его на косяк – там специальный крючочек есть, – объяснила она мне. – А потом подумала немного и еще крюк большой... Тяжелый такой навесила. Мне сегодня утром в теплицу за овощами надо было... Я ключ-то взяла да замок отомкнула... А потом к крюку сунулась, а он откинут уже!

Я тихо обалдела – это было что-то новенькое! Внутри усадьбы все всегда чувствовали себя настолько уверенно в своей полнейшей безопасности, что дом никогда не запирался. Я, как, впрочем, и все остальные вопрошающе уставилась на Печерскую, которая залилась краской и снова занервничала, уже с трудом держа себя в руках.

– Лидия Сергеевна! – удивленно спросила я. – И давно вы стали дом запирают?

– Понимаете, Елена Васильевна... – сказала она.

Услышав это, я скривилась – ну вот! Я уже и Еленой Васильевной стала, а еще совсем недавно Леночкой была! Вот она – обратная сторона власти! Но я промолчала и стала слушать дальше, а Печерская довольно нервно продолжила:

– У меня уже много лет есть привычка перед тем, как идти спать, все обойти и все проверить: выключен ли свет, закрыты ли вода и газ... Это у меня еще от квартиры нашей такая привычка... Павел еще всегда шутил: «Мороз-воевода дозором обходит владенья свои»... Вот... И, когда я стала вести этот дом, я и здесь вечером обязательно все обходила и все проверяла... Конечно, скоро Ирочка хозяйкой дома станет, но, пока ее нет, я уж по старой памяти... – от смущения она, не поднимая глаз, теребила подол своего платья и мы все, видя, как тяжело ей все это говорить, молчали и не перебивали ее. – Вот и вчера вечером я пошла... И, когда выходила из библиотеки, мне показалось... Словом... Словно смотрит на меня кто-то... Я оглянулась, но вокруг никого не было...

– То есть вы никого и ничего не видели? – осторожно поинтересовалась я, но и этих несколько слов хватило, чтобы она сорвалась.

– Не видела! – она почти плакала. – Я почувствовала! И мне стало страшно! Саша уехал! Павла нет! И Владимир Иванович улетел! Вот я и заперла все двери! – тут она не выдержала и разрыдалась.

– Мамуля! Ну, что же ты нам-то ничего не сказала? – кинулись к ней все четверо Репниных.

– Лидия Сергеевна! Надо же было охрану вызвать! – это уже Вадим подал голос.

– Чтобы меня на смех подняли? Да? – сквозь слезы отвечала Печерская. – Или сумасшедшей посчитали?

Я мигом кивнула Семенычу – он, когда надо, может такой лисой прикинуться, что никогда не догадаешься, что он на самом деле позубастей иного волкодава будет – и он тут же бросился к Печерской, раздвинул собравшихся около нее людей, присел перед ней на корточки и заворковал, поглаживая ее по руке:

– Да вы же наша Лидия Сергеевна! Вы же наша умница! Вы же наша молодец! Как же хорошо, что вы всю жизнь учительницей проработали! У вас же интуиция не только женская, которая мужской сто очков вперед даст и обгонит, но и профессиональная, бесценная! Вы же столько лет спиной к классу стояли, что вам и оборачиваться не надо было, чтобы узнать, что эти сорванцы вытворяют! У вас же, можно сказать, на затылке глаза появились! Как же вы нам помогли! Вы же нас просто спасли! Дорогая вы наша! Мы же теперь с этим делом в два счета разберемся! Что бы мы без вас делали!

– Правда? – от удивления Печерская даже плакать перестала, а Солдатов активно закивал, подтверждая это.

Господи! Будь женщина хоть семи, хоть восьми пядей во лбу, а на такую грубую примитивную мужскую лесть всегда купится, да и утешить ее в такую минуту лучше мужчины никто не сможет, потому что в ней со времен каменного века заложена потребность в защитнике, большим и сильным, который и приголубит, и спасет. Только вот не помню я, чтобы меня за все мои тридцать шесть лет кто-нибудь вот так утешал и спасал кроме Игоря! «Эх, Игорь-Игорь! – тоскливо вздохнула я. – Как же мне тебя не хватает! Два года прошло, как ты погиб, а больно так, словно это вчера случилось!», но отвлекаться на посторонние мысли сейчас было нельзя и я, мысленно встряхнувшись, быстро взяла себя в руки и посмотрела на остальных, до которых, наконец-то, полностью дошло, что в доме беда.

– Кирилл Владимирович? – спросила я мужчину в «камуфляже».

– Светлов! – он коротко козырнул мне, несмотря на то, что был без погон – привычка! Куда же от нее денешься!

– Кажется, я вас во время свадьбы Павла Андреевича в усадьбе видела, – присмотревшись к нему повнимательнее, сказала я. – Правда, вы тогда в гражданском были.

– Имел честь быть приглашенным на регистрацию брака в усадьбу, – кратко, но исчерпывающе ответил он и я, поняв, что с этим человеком можно обойтись без политеса, начала давать такие же короткие и четкие указания.

– Итак, Кирилл Владимирович! Вы уже все слышали и все серьезность момента понимаете?

– Так точно!

– Ваши люди все вооружены?

– Естественно, – кивнул Светлов. – Как и положено по сигналу «тревога».

– Значит, наши действия будут следующими:... – на секунду задумалась я, а потом продолжила жестким, командирским голосом: – Специалист по замкам?

– Присутствует.

– Сказочно хорошо! Пусть осмотрит замки в кабинет и на обеих входных дверях. Объяснить что-нибудь надо?

– Никак нет. Все понял. Замок черного хода был открыт изнутри неизвестным с помощью ключа, который потом он повесил на место, и закрыт снаружи с помощью отмычки, а вот крюк накинута снаружи он, естественно, не смог.

– Я тоже так думаю, – кивнула я. – Далее: просмотреть все записи с камер наблюдения за весь вчерашний день и эту ночь самым внимательным образом. Охрану заменить на своих людей и без моего личного разрешения никого с территории не выпускать – объявляется осадное положение, – я повернулась к присутствующим и жестко сказала: – Так что, если у кого-то были намечены дела вне усадьбы, их придется отменить. По возвращении Павла Андреевича или Владимира Ивановича разрешаю жаловаться на мое самоуправство, сколько душа пожелает, а пока будьте добры подчиняться, – я снова повернулась к Светлову и продолжила: – Обыскать на территории усадьбы все, что можно и нельзя – сомнительно, конечно, но мы должны быть твердо уверены в том, что тот, кто здесь побывал ночью, нигде здесь не спрячется, а благополучно смылся. Круглосуточное патрулирование территории усадьбы с собаками. Сейчас же отправьте своих людей обойти по наружному и внутреннему периметру всю ограду вокруг усадьбы, с собаками же. Пусть, как следует, все осмотрят. Смогут?

– Обучены.

– Это хорошо, что обучены, – медленно сказала я. – Что еще? – я на секунду задумалась. – Так. Все машины, которые вчера выезжали из усадьбы самым тщательным образом осмотреть с собаками, а потом загнать на яму и посмотреть снизу. Поговорить с водителями и выяснить, куда ездили, где подолгу стояли и все в этом духе. В том числе и джип Владимира Ивановича – я его на стоянке видела.

– Да! – кивнул Вадим. – Владимир Иванович на своей машине приехал, а вот в аэропорт его уже наша машина отвозила.

– Я так и поняла, – не глядя на него, отозвалась я и продолжила давать распоряжения. – Осмотреть весь дом на предмет «жучков», а кабинет еще на взрывное устройство – черт его знает, какой сюрприз нам этот неизвестный мог подготовить. Да! – спохватилась я. – Крышу дома осмотрите – вдруг он с дельтаплана или чего-нибудь в этом роде туда сиганул, а потом по водосточной трубе вниз спустился. Да и чердак тоже проверьте. На первом этапе вроде бы все, – подытожила я и спросила: – Замечания, дополнения, уточнения будут?

– Одно, – неожиданно улыбнулся Светлов и в ответ на мой недоуменный взгляд – вроде бы все предусмотрела – пояснил: – Мне будет очень приятно с вами работать.

– Спасибо! – совершенно искренне сказала я и улыбнулась ему в ответ. – И взаимно! Ну, что, Кирилл Владимирович? В бой?

– Ничего, Елена Васильевна, – он совершенно неожиданно и незаметно от окружающих мне подмигнул. – Отстреляемся!

– Я в таких случаях говорю: отбодаемся! – добавила я и повернулась к Вадиму, который смотрел на меня чуть ли не с благоговейным ужасом. – Осмотр кабинета будет проводиться в вашем присутствии, Вадим Родионович, а, как закончится, найдите меня в «техцентре» – надо проверить кое-какие соображения. – Он мелко-мелко покивал мне головой. – Замечательно! – я повернулась к Пончику, который уже, как я краем глаза видела, не только успокоил, но и развеселил Печерскую, так что она даже начала улыбаться, и стоял теперь рядом со мной в ожидании распоряжений. – Семеныч! Делай со своими орлами, что хочешь, хоть душу из всех вынай, но я должна иметь полную картину всего вчерашнего дня и этой ночи! Понял? Кто-то бессонницей маялся, кто-то у окна курил, кто-то с кем-то поругался и пошел воздухом подышать... Ну, ты не хуже меня все знаешь! Не может быть такого, чтобы этого гостя незваного никто не видел! Давай, Семеныч!

– Вот смотрю я на вас, Елена Васильевна, – медоточивым голосом начал он, – и сам собой горжусь! Какого руководителя вырастил! – он намекал на то, что я когда-то работала следователем в Пролетарском райотделе милиции, которым он в то время командовал. – Масштаб мышления! Анализ! Способность мгновенно оценить ситуацию и принять правильное решение!

– Правим, как умеем! – рассмеялась я и добавила: – Иди работай! Раститель!

Солдатов ушел, да и большая часть собравшихся тоже почти разошлась, а вот одна из горничных стояла около двери и пристально смотрела на меня. Это была, как я поняла, Тамара, и я громко сказала, обращаясь к Егорову, но глядя на нее:

– Николай Владимирович! Подождите меня, пожалуйста! Я сейчас сына проведу, который теперь в связи со сложившимися непростыми обстоятельствами в комнате Галины живет, и с вами в «техцентр» пойду.

– Я тогда вас, Елена Васильевна, на улице подожду. Свежим воздухом пока подышу, – отозвался Колька, понимая, что в официальной обстановке и обращение должно быть соответствующим.

Услышав это, Тамара, чуть заметно кивнув мне головой, тут же вышла из каминной, а я, дав еще некоторые распоряжения, направилась вслед за ней в комнату Галины и, подойдя, услышала через дверь, как Галина строго наставляет ее:

– Вот что тебе хозяйка скажет, то и будешь делать. А вздумаешь крутить, – с угрозой произнесла она, – так ты меня знаешь!

– Брось ты, Галина! – огрызнулась та. – Что ж я не понимаю, что ли, что беда пришла!

– Вот и хорошо, что понимаешь, – сказала я, входя в комнату и присаживаясь на кровать: – Тамара, скоро из санатория вернется Марина и тебе с ней нужно будет ... – я на минуту замялась, а потом решительно продолжила: – Короче! Для того, чтобы нормально работать, я

должна быть твердо уверена, что у меня за спиной все чисто. Поняла? – Она закивала головой. – Если предположить, что у того, кто сюда забрался, есть в усадьбе сообщник, то они должны как-то связываться. Покидать территорию я запретила – остается телефон. Выход в город здесь через нашу АТС, а я приказала ее контролировать, как и звонки с сотовых, которые Павел Андреевич оплачивает, – я вовсе не собиралась разглашать то, что это, оказывается, уже давно делается. – Но и сообщник этот, если он, конечно, есть, – поспешила добавить я, видя, как наливаются гневом глаза моих собеседниц, – эту возможность может предусмотреть. Поэтому мне очень важно знать, есть ли у кого-нибудь, совершенно неважно у кого именно, второй сотовый телефон. Учти, Тамара, этот человек обязательно будет носить его с собой, он не будет рисковать и где-то его оставлять. И тебе с Мариной нужно его обнаружить. Искать у всех без исключения! – жестко заключила я. – Понимаешь? Без исключения!

– И у Егорова им тоже искать? – спросила Галина, гневно поджав губы – ни для кого не были секретом наши дружеские с Николаем отношения.

– Естественно! – твердо заявила я. – Мы все оказались в такой дерьмовой ситуации, что я самой себе буду верить только после предъявления улики и вещественных доказательств. Поймите, – объясняли им я, – этот человек совсем необязательно наш враг, ему могли внушить, что это делается для нашей же пользы, его могли просто обмануть. Поэтому, когда и если вы найдете этот чертов телефон, докладывать только мне лично. Больше никому ни слова, ни полслова! Только мне! – жестко повторила я. – Если сотовый попадет вам в руки, обязательно спишите, сколько сможете, последних номеров телефонов.

– Сделаем мы все с Маринкой, конечно, – заверила меня Тамара. – Только я вам откровенно, Елена Васильевна, скажу, что мне лично такое задание – серпом по одному месту!

– А когда Пан приказал тебе у меня из кармана диктофон достать? Тогда, летом... Ты тоже про серп вспоминала? – пристально глядя на нее, спросила я.

– Это Маринка была, – опустив глаза, ответила она.

– А мне-то какая разница? – продолжала напирать я. – Был дан приказ и она его выполнила! Вот и сейчас у вас есть мой приказ! Приедут Павел Андреевич с Панфиловым и жалуйтесь им на меня! Хоть на два, хоть на три голоса! А сейчас вы обязаны мне подчиняться! И подчинитесь! И меня все! – сказала я, поднимаясь. – Когда выполнить сможете? Суток хватит?

– Нет, – продолжая смотреть в пол, она помотала головой. – За двое бы справиться!

– Ну, действуйте! – я поднялась и вышла из комнаты.

Глава 2

На крыльце дома меня ждал Егоров, мой давний и самый верный друг, который теперь с моей легкой руки тоже работал на Матвея.

– Ну, Ленка! – негромко, чтобы никто не услышал, как фамильярно он ко мне обращается, сказал он по дороге. – Ты прямо, как Наполеон на поле боя смотрелась!

– Неудачное сравнение, Мыкола! – отшутилась я. – Наполеон плохо кончил!

– Ну, тогда адмирал Нельсон! – предложил он.

– Еще чище! – возмутилась я. – Я, что, уже окриветь на один глаз успела? И потом он тоже, хоть и геройски, но погиб!

– Ну, тогда я уж и не знаю, как на тебя угодить и с кем тебя сравнивать! – развел руками Колька, а потом подумал немного и обрадовано предложил: – Во! Как Маргарет Тэчер или Мадлен Олбрайт! Это для тебя самое подходящее: и дамы они решительные во всех отношениях, и еще живые!

– Да уж! – вздохнула я. – И обе «железные леди»! Эх, Мыкола! Грубый ты человек! И неласковый! Не дожидаться мне, видать, ни от кого сочувствия! В том числе и от тебя! – а потом спросила: – Ну, как тебе здесь?

– Нормально! Тут такая аппаратура! – восторженно начал, было, он, но, увидев мое поскучевшее лицо – я в технике дуб дубом – только махнул рукой: – Нет, Ленка! Никогда не приобщить мне тебя к последним достижениям науки и техники!

– Твоя правда! – согласилась я. – А как тебе коллектив?

– Олег нормальный мужик, а Гришка... – Колька задумался. – Понимаешь, Ленка, он гениальный сопляк! – Егоров остановился и повернулся ко мне. – То есть мозги у него – закачаешься! Мыслит совершенно нестандартно! А во всем остальном – дите дитем! В стрельялки-догонялки на компе играет! Ну да ничего... Со временем повзрослеет.

– Насколько я знаю, он у нас уже вполне половозрелый, – хмыкнула я и двинулась дальше.

– Это ты про Машку, что ли? – спросил, догнав меня, Николай. – Так это Галина расстаралась ему ее подложить. А что? Все правильно! Той-то уже хорошо за тридцать, так что видов на парня она не имеет, а ему полезно пообтесаться, чтобы потом не потянуло жениться на первой же девке, которая ноги пошире раздвинет.

– Циник ты, Мыкола! – вздохнула я. – А как же первый поцелуй? Прогулки при луне? А?

– Вот встретит он нормальную девчонку, пусть с ней и гуляет! – отмахнулся Колька. – А потом женится! Вон как Павел Андреевич! Он отгулял свое, а потом нашел по душе и женился на чистой, невинной и все такое прочее, а не на одной из своих бывших содержанок. Что я не прав, что ли?

– Прав! – согласилась я и невинно поинтересовалась: – А кто тут тебя обтесывает?

– Никто! – Егоров посмотрел на меня честными-честными глазами.

– Верю! – я ответила ему не менее честным взглядом, а потом не выдержала и фыркнула: – Ладно! Не хочешь – не говори!

Тем временем мы уже дошли до «техцентра» и вошли внутрь. Обстановка там была настолько домашняя, что хоть садись да чай пей. С Олегом Александровичем Кошечкиным, чей предок некогда служил дворецким в усадьбе графов Матвеевых и был единственным из слуг, кто не покинул их в трудную минуту и оставался с ними до самого их отъезда, я была уже неплохо знакома. А вот его сына Григория я впервые увидела мельком в каминной, но особо не приглядывалась – не до того мне было, зато теперь с интересом его рассматривала. Надо же! Променять Принстон и, вообще, Америку на работу в России, причем даже не в Москве, а в губернском, глубоко провинциальном городе, только потому, что он не захотел изменить данной когда-то его предком клятве. Григорий оказался очень симпатичным

и стройным парнем немного повыше среднего роста лет двадцати трех и был одет в синие потертые джинсы и такую же рубашку. Он старался держаться солидно и серьезно, но стоило взглянуть ему в глаза, как тут же становилось ясно, что перед тобой мальчишка мальчишкой, пусть и гениальный.

– Ну, вот что, Гришенька! – невольно улыбнулась я. – Найди-ка ты мне во вчерашней почте письмо из Австралии. Очень мне интересно, что же такого они там понаписали!

– Ну, чё вы со мной, как с маленьким, Елена Васильевна? – обиженно пробурчал он.

– Ой, Гришенька! – вздохнула я. – Не торопись взрослеть! Успеешь еще во взрослой жизни набарахтаться! Так что тяни молодость, сколько сможешь.

– Ладно! – обиженно буркнул он и защелкал по клавиатуре, а меня окликнул его отец:

– Елена Васильевна! Возьмите ваши новые визитные карточки, – он протянул мне стопку маленьких стандартных прямоугольничков и я, взяв один из них, полюбовалась его элегантностью (ничего лишнего, без всяких там выпендрежей и неуместных красотей, а просто темно-синий текст на белоснежном фоне) и с законным чувством гордости прочитала вслух: – Производственно-коммерческая фирма «Матвеев». Елена Васильевна Орлова. Заместитель начальника службы безопасности. А что? – я подняла глаза на Кошечкина. – По-моему, звучит!

– И совершенно заслуженно! – с готовностью подтвердил он. – Вы даже не представляете себе, как Павел Андреевич вам благодарен! Ведь, если бы не вы, то и свадьбы могло бы не быть!

– Да! – согласилась я. – Покрутиться мне тогда пришлось немало!

– Готово, Елена Васильевна! – раздался, тем временем, голос Григория.

Я подошла к нему, а он уступил мне свое место и, когда я села, воровато оглядевшись, наклонился ко мне и заговорщицким шепотом спросил:

– А, что, война будет, да? Как в «Крестном отце»?

– Типун тебе на язык! – цыкнула я на него. – Бог даст – все обойдется! А там?.. Черт его знает! Как пойдет! А пока переведи-ка ты мне письмо – я в английском не сильна.

Но в письме, подписанном председателем совета директоров концерна, было только то, что я уже знала от Вадима, и ничего, на первый взгляд, подозрительного. Письмо, как письмо! «Неужели я ошибалась и все это действительно только совпадение?» – мелькнула у меня неприятная мысль и тут за моей спиной кто-то сдавленно ахнул. Я быстро обернулась и в первый момент даже испугалась – на стоявшем у меня за плечом Вадиме буквально не было лица: бледный, как мел, он полными ужаса глазами уставился в монитор, а над его верхней губой выступили крупные капли пота, хотя в комнате было нежарко.

– Что с вами, Вадим Родионович? – всполошилась я, а Олег уже протягивал ему стакан с водой. – Что-то не так?

– Все... – севшим голосом еле слышно произнес Вадим и, откашлявшись, уже громче сказал: – Все не так!

– Сядьте, Вадим Родионович! – попросила я. – Что именно не так?

– Адрес, – тяжело дыша, сказал он и рухнул на стул. – Обратный адрес не тот. Здесь тире, а должно быть нижнее подчеркивание.

– Значит, я все-таки была права! – вскочив на ноги, я начала метаться по комнате, как тигрица по клетке. – Черт! А как же я была бы счастлива ошибиться!

– О чем вы, Елена Васильевна? – и так бесконечно встревоженный Вадим перепугался уже почти насмерть.

– Сейчас объясню, – хмуро пообещала я и попросила Егорова: – Дайте мне сигареты, Николай Владимирович, а то я свои в сумке в доме оставила.

– Вообще-то, мы здесь не курим, Елена Васильевна, – заворчал, было, он, протягивая пачку и пододвигая вместо пепельницы чайное блюдце. – Это для компьютеров вредно.

– Перетопчутся ваши компьютеры! – огрызнулась я и, усевшись и закурив, повернулась к Григорию. – Гришенька, будь добр, позвони сейчас же в дом и попроси, чтобы Солдатов

и Светлов немедленно пришли сюда, – парень кивнул и потянулся к трубке, а я добавила: – А пока они будут идти, посмотри-ка в Интернете в новостях, есть ли что-нибудь об этой аварии. Такое происшествие не могло пройти незамеченным.

– Ты ищи, а я пока позвоню, – тут же сказал Григорию Николай и тот заколдовал над клавиатурой.

– Елена Васильевна, да что же все-таки происходит? – почти взмолился Вадим, но я отмахнулась:

– Потом! Все потом! А пока расскажите мне, как организована деятельность фирмы. В общих чертах. Но только без заумностей, а ясно, просто и доходчиво, как для первоклассницы. Понятно?

– Я постараюсь, – пробормотал Вадим и, глядя на его совершенно убитый вид, я поняла, почему он не в обиде на то, что третьим человеком в Семье сделали меня – он действительно понимал, что не потянул бы эту работу. – Ну, вот представьте себе, – подумав немного, начал он, – что существует такая очень большая коммунальная квартира: в одной комнате живет портной, во второй – парикмахер, в третьей – сапожник и так далее. Ключ от входной двери есть у каждого из жильцов и каждый из них может в любой момент туда войти. И, войдя, он сможет открыть только свою дверь, но не дверь соседа. Так и у нас: войти в нашу сеть, зная пароль, может каждый из работников фирмы, а потом он сможет с помощью своего собственного пароля попасть только в тот сектор, которым он занимается.

– Ясно, – кивнула я. – А вчера была суббота и тот человек, который дежурил, ничего об Австралии не знает, и тем более ведать не ведает, как правильно пишется электронный адрес этого чертового концерна. Так?

– Да, – тут же ответил Вадим.

– Я нашел, – вмешался в наш разговор Григорий. – То есть я австралийский новостной сайт нашел, но на нем ничего нет ни о какой аварии.

– Вот вам и ответ! – сказала я.

– Какой ответ? – раздался от дверей запыхавшийся голос Солдатова.

Я повернулась и увидела на пороге его и Светлова.

– Присаживайтесь, – пригласила их я, кивнув на стулья, и, когда они устроились, мрачно пошутила: – Заседание оперативного штаба по противодействию непонятной пока угрозе объявляю открытым! – и спросила: – Что там с кабинетом? – Светлов тут же поднялся и я поморщилась: – Не надо, Кирилл Владимирович! Еще успеем мы с вами набегаться так, что ноги гудеть будут!

– Докладываю! – усаживаясь обратно, начал Светлов. – Взрывного устройства в кабинете нет. «Жучков» ни в кабинете, ни в доме нет. Замки из всех указанных вами дверей вынуты и над ними сейчас наш специалист мудрует, а у двери в кабинет я пока своего бойца поставил от греха подальше. Все остальные люди работают по плану, и по мере поступления новостей будут докладывать сюда.

– Спасибо! Что у вас, Федор Семенович?

– Работаем, Елена Васильевна! Идет опрос обитателей усадьбы, но, – он развел руками, – пока безрезультатно.

– А быстро хорошо не бывает! – согласилась я и начала: – Итак, господа! Слушайте мои рассуждения в порядке бреда. Разрешается задавать вопросы, вносить уточнения и дополнения – я авторитаризмом не страдаю! – краем глаза я успела заметить, как Пончик скромно опустил глаза и сжал губы, что ненароком не улыбнуться – ну, Семеньч, раз так, то держись! – Приступим, благословясь! – наконец, сказала я и действительно начала говорить: – Всем работникам фирмы было известно, что Павел Андреевич планировал вернуться завтра. Но и для заинтересованного лица не составило проблемы это выяснить. Для этого надо было всего лишь позвонить в офис и сказать, что этот некто располагает настолько ценной информацией, что

сообщит ее только непосредственно господину Матвееву, и в ответ на это ему, естественно, сказали, когда вернется Павел Андреевич. Проходит? – спросила я и все дружно закивали. – Далее этот некто, лелеющий явно очень недобрые планы на наш счет, должен был обезопасить себя и убрать из города Панфилова, в руках которого сосредоточена вся система безопасности фирмы. Надо отдать должное этому мерзавцу – подготовился он неплохо! Можно даже сказать, отлично подготовился! Он изучил сферу деятельности нашей фирмы и выбрал Австралию, как самый удаленный от Баратова регион, просмотрел сайт концерна и, изменив в его электронном адресе только один знак, зарегистрировался сам под этим новым адресом. Он написал письмо об аварии и отправил нам, и откуда, мы теперь можем только гадать.

– Зачем гадать? – удивился Григорий. – Я его запросто засеку.

– Вот этим и займешься, – кивнула я и продолжила: – Конечно, в определенной мере он действовал наудачу – ведь в эту субботу мог дежурить человек, который сам ведет дела с Австралией, но... Он рискнул, понадеявшись на авось или на то, что попади это письмо даже к тому, кто знает точный адрес концерна, но... Суббота. Вечер. Вполне объяснимая расслабуха от того, что Павел Андреевич в отъезде и все такое прочее, и этот работник может просто не обратить внимания на то, что один единственный знак написан не так. Возможный вариант?

– Вполне! – сказал Вадим, уже немного пришедший в себя. – Но он, вероятно, не знал, что теперь есть вы.

– Нет! – я покачала головой. – Он очень хорошо подготовился и о моем существовании, естественно, знает. Скорее всего, он рассчитывает на то, что я еще полностью не вошла в курс дела, или на то, что мужчины, привыкшие работать под началом Владимира Ивановича, могут посчитать заподло подчиняться женщине. Таким образом, можно с довольно большой долей уверенности утверждать, что он планировал нанести удар по Павлу Андреевичу, причем удар молниеносный! Он должен был успеть, пока не вернулся Владимир Иванович! Что конкретно он собирался сделать, мы пока представления не имеем. Да только просчитался этот мерзавец! Не знал он, что у Павла Андреевича изменились планы, и он придет позже. Поэтому вам, Олег Александрович, – я повернулась к Кошечкину, – с этой минуты нужно будет самым тщательным образом отслеживать все до единого звонки в офис и сюда.

– Понял и сделаю, – покивал Олег.

– Далее. Если подразумевалось физическое устранение Павла Андреевича, то проще всего это сделать по дороге из усадьбы в город. наших молодых мы по возвращении из аэропорта домой на вертолете перебросим, а вот потом Павлу придется минимум два раза в день в город ездить, а это значит, что вам, Кирилл Владимирович, надлежит... Как это у вас там называется? Держать дорогу, кажется? – Светлов кивнул. – При чем обследовать ее на предмет возможных засад нужно уже сейчас, да и потом без самого пристального внимания не оставлять. Бойцов хватит?

– Я из области подтяну, – кратко сообщил он.

– Если потребуются, мы можем и из других городов людей вызвать, – предложил Вадим.

– Оставим, как вариант, а пока попробуем справиться своими силами, – ответила я и вздохнула: – О, господи! Дай-то бог, чтобы Владимир Иванович побыстрее разобрался с ситуацией там, в Австралии и сразу же вернулся. Нам же с вами надо сейчас использовать отпущенное нам время максимально эффективно и выявить не только источник опасности, но человека, который нам угрожает. И... – я помедлила, – желательно выявить того, кто нас об этой опасности предупредил – он, наверняка, знает многое. И поэтому у меня вопрос к вам, Вадим Родионович, – я повернулась к нему, и он с готовностью ответил:

– Сделаю все, что только могу.

– Не сомневаюсь, – отозвалась я. – Вы, как никто из нас, знаете о деятельности фирмы все в мельчайших подробностях, поэтому подумайте хорошенько и скажите, откуда может исхо-

дить опасность, о которой нас предупредил неизвестный теперь уже без всяких кавычек доброжелатель?

Вадим задумался, глядя прямо перед собой, но вот взгляд у него при этом был такой, словно он смотрел внутрь себя, а потом, наверное, перебрав в уме все немалое хозяйство Семьи, медленно сказал:

– На данный момент я не вижу ни одного другого источника опасности, кроме... – он замолчал и невесело посмотрел мне в глаза.

– Я поняла, – кивнула я. – Судоремонтного завода. Я права? – Теперь уже он кивнул. – Все в курсе этой истории? – обратилась я к мужчинам.

– Я не в курсе! – тут же вылез Григорий. Ох, и любопытный же чертенок!

– Хорошо! Тогда специально для тебя и вкратце. 20-го июня Павел Андреевич должен унаследовать чуть меньше 75 процентов акций этого завода. А на него в силу ряда причин имеет виды потомок его дореволюционного владельца, живущий ныне в Колумбии Готтфрид фон Лоринг, который через местную инвестиционную компанию «Доверие» владеет всеми оставшимися акциями, и надежд на то, что он отступится, лично я не питаю.

– Я наводил справки о его финансовом положении, – дополнил меня Вадим, – и могу сказать, что оно сейчас весьма плачевно – он потратил практически все свое состояние на то, чтобы заполучить завод, и у него не остается другого выхода кроме как идти до конца, иначе он разорен. А поскольку мы не получали от «Доверия» никакого предложения о продаже акций этого завода...

– То это может значить только одно, – закончила за него я, – что методы, которыми он собирается действовать, к сфере легальных не относятся. Посвящать нового человека в свои планы Лоринг не рискнет, а это, в свою очередь, значит, что действовать он будет снова через Аркадия Анатолиевича Коновалова. И чегой-то мне мнится, что это «липовое» письмо якобы из Австралии дело рук этого неумного господина. А поскольку Павел Андреевич изначально планировал вернуться завтра, то Коновалов, хоть дерись, уже в городе и готовится нанести удар. Ему во что бы то ни стало надо вынудить Павла Андреевича отказаться от наследуемых акций в пользу «Доверия» и, добиваясь этого, он ничем не побрезгует! – и я яростно ткнула окурком в чайное блюдце.

– Подождите, Елена Васильевна! – встрепенулся Вадим. – Но я прекрасно помню тот наш разговор, когда Владимир Иванович сказал, что, обнаружив неблаговидные делишки и склонности этого человека, он его не только от серьезных людей отсек, но и создал для него совершенно невыносимую в России обстановку. Так что он, скорее всего, и из страны-то уже уехал!

– Ваши бы слова да богу в уши! – вздохнула я. – Да только сомнительно, что этот подонок от нас так просто отвяжется. Я имела неудовольствие встречаться с этим мерзавцем, – скривившись, сказала я. – Хитрый! Умный! И скользкий, как змея! Мы с Панфиловым ему прошлым летом довольно чувствительно на хвост наступили, так что он сейчас совмещает приятное с полезным: и поручение клиента выполняет, и нам хочет отомстить, о чем меня Пан, кстати, еще тогда предупреждал. Олег Александрович! – я повернулась к Кошечкину. – Досье Коновалова у нас имеется?

– А как же! – удивился тот и, тут же поднявшись, скрылся в соседней комнате, а я тем временем продолжала рассуждать:

– От того же, что мы эту тварь от серьезных людей отсекали, нам в данной ситуации только хуже. На Филина у нас очень сильные рычаги воздействия имеются, а на отморожков неуправляемых, которым море по колено – нет. А ведь они гораздо опаснее самых матерых уголовников, потому что ни законов, ни авторитетов не признают. И нам надо будет в случае необходимости против них оружие применять. Охохонюшки-хо-хо! – вздохнула я и, встав, начала расхаживать по комнате, рассуждая вслух: – Итак! Совершенно ясно, что против нас играет

Коновалов. Но в России ему теперь в силу ряда очень, ну, о-о-чень серьезных причин надолго оставаться нельзя, отсюда и его стремление решить свою проблему одним махом. А, что это значит? – спросила я, поворачиваясь к мужчинам, и сама же ответила: – А значит это то, что и Лоринг скорее всего... Да нет! Он обязательно уже в городе! Потому что Коновалов, как рассуждает? Сейчас у «Доверия» блокирующий пакет акций, который фактически уже, пусть и неофициально, принадлежит Лорингу. Аркаша неизвестным нам пока способом собирается вынудить Павла Андреевича отказаться от акций в пользу того же «Доверия». Таким образом, все сто процентов будут через два с небольшим месяца принадлежать его клиенту, потому что переоформить акции на Лоринга – дело чисто техническое и участия самого Коновалова не требующее. Вот он и сможет с чистой совестью свинтить из России. А из этого следует, что опасности для жизни Павла Андреевича нет, потому что оттягивать вопрос с акциями еще на восемь месяцев, чтобы выкупить их потом у его наследников...

– Думаю, что Лоринг на это не согласится, – уверенно сказал Вадим и впервые на моей памяти пошутил: – Его финансы громко поют романсы.

– За-ме-ча-тель-но! – совершенно искренне сказала я. – Теперь нам надо определить, кого Коновалов себе на подмогу завербовал. К Филину он не сунется, это ясно. К местному отребью? Да нет! – возразила сама себе: – У него с ним связи быть не может. Уровень у них совсем разный – он-то в Москве среди серьезных криминальных авторитетов вращался. Где он местных бандюганов найдет? Как он на них выйдет и как докажет, что он не засланный казачок? Чем он их может привлечь? – обратилась я к Пончику, который по своему обыкновению старательно гладил свою бритую голову, чтобы лучше думалось.

– А черт его знает, Елена Васильевна! – тут же отозвался он. – Но только я так мыслю, что никто из местных против Павла Андреевича пойти не решится. Даже спьяну! Это же верное самоубийство! Скорее, он с собой парочку головорезов привезет.

– Э, нет! – возразила я. – Это для него Баратов родной! Он тут каждую щель знает! А вот, как они в незнакомом городе работать будут? А?

– Так мы же не знаем, сколько времени они уже в городе? – в свою очередь возразил мне Солдатов. – Может, они уже все изучить успели?

– Черт! – выругалась я. – Значит, будем плясать от Коновалова и... И от Лоринга! Связь у них обязательно должна быть!

– Но не обязательно личная! – возразил мне Колька. – Скорее всего, по сотовому или по электронной почте.

Ответить ему я не успела, потому что в это время с толстой папкой вернулся Олег и собрался, было, протянуть ее мне, но я остановила его и, плюнув на все официальности – не до того тут же стало! Можно сказать, земля под ногами горела! – сказала, переходя на «ты»:

– Олег! Найди самую лучшую из последних фотографию этого подонка и пусть Гришенька нам ее размножит. Сможешь? – я повернулась к парню.

– Легко, Елена Васильевна! – как это модно сейчас у молодежи, отозвался он. – Сколько экземпляров?

– Давай сто штук для начала! – приказала я и снова обратилась к Олегу:

– Дай ему еще фотографию Готтфрида фон Лоринга. Пусть тоже размножит. Штук десять – больше не надо. Так! Теперь слушайте, что нужно будет сделать! Тебе, Олег, изучить это досье, как «Отче наш», и выявить возможную «лежку» этой сволочи. К Самойлову он не сунется – слишком близко.

– А это кто такой? – тут же встрял Григорий.

– А это его доверенное лицо в Баратове, – объяснила я. – Владелец местной инвестиционной компании «Доверие». А, впрочем... – задумчиво протянула я. – Аркаша тоже может рассудить, что в самом очевидном месте мы его искать не будем и отсиживаться именно там. Так что, – я повернулась к Солдатову, – завтра, когда Самойлов уйдет в офис, его квартиру

нужно будет аккуратно посмотреть и, если Коновалов там, брать без долгих разговоров, а, если его там нет, то понатыкать «жучков» везде, где можно, и слушать днем и ночью, а самого Самойлова пасти, как любимую овечку, и глаз не спускать.

– Понял! Сделаем! – кивнул Светлов, а я продолжила:

– В гостинице Аркаша тоже вряд ли поселится. Даже по подложным документам. Но вы, – я ткнула очередной сигаретой в Пончика, – их все равно все проверьте! Основное же внимание – частному сектору! А вот Лоринг, скорее всего, именно в гостинице, потому что прятаться в какую-нибудь дыру, где сортир во дворе, ему баронская спесь не позволит. Так что, снимай, Семеныч, на эти поиски всех своих людей и отовсюду! График работы – двадцать четыре часа в сутки! Тем, кто будет проверять гостиницы – фотографии Коновалова и Лоринга, а всем остальным – только Коновалова и вперед! Пусть прочешут город частым гребнем. Есть еще один вариант: это друзья детства, одноклассники, однокашники, любимые девушки... Это уже тебе, Олег! Выяснить, – я кивнула на в досье, – где учился, где жил в детстве, с кем дружил... Ну, не мне тебя учить! – тут я увидела, что Олег удивленно вытаращился на меня, и вопрошающе посмотрела на него, но ответить он не успел, потому что у меня в голове выстрелила мысль и я, хлопнув по столу, ругнулась: – Черт! Он же бисексуал! Значит, у нас не только любимые девушки, но любимые мальчики прорисовываются! Семеныч! – я повернулась к Солдатову. – Ты среди баратовских гомосексуалистов агентурой не богат?

– Тьфу! – гневно сплюнул Пончик. – Нашла, что сказать! – и вздохнул: – Господи! Неужели еще и среди них искать придется?

– Видимо, да, – я развела руками. – А что? Неоднократно описанный в литературе способ спрятаться. Причем Коновалову для этого даже и притворяться не придется.

– Ладно! – хмуро согласился Семеныч. – Подумаю я, как к этому меньшинству подход найти! – и пробормотал себе под нос что-то явно очень нецензурное.

– Ну, все всё поняли? – попытожила я и Кошечкин с Пончиком согласно кивнули. – Кирилл Владимирович! – я повернулась к нему, и он подтянулся на стуле. – Среди ваших людей есть кто-нибудь, знакомый с оперативной работой?

– Нет! – покачал головой он. – Только бойцы и технари.

– Паршиво, однако! Где людей-то для этой работы взять? Ведь своими силами мы до морковкиного заговенья искать будем! А время поджимает!

– А в милиции! – тут же предложил Вадим.

– Предлагаешь мне написать заявление в райотдел по месту жительства? – мрачно пошутила я.

– Зачем? – невозмутимо ответил он. – Мы вполне можем обратиться к начальнику областного управления.

– Да? – удивилась я. – Вообще-то, это мысль... Но я с ним не знакома.

– Да вам и не надо! – небрежно отозвался Вадим. – Достаточно того, что он о вас знает.

– А что? – уже всерьез призадумалась я. – Это вариант. Если мы его, как следует, заинтересуем... Олег! Что представляет собой этот деятель?

– Самсонов Валентин Михайлович. Генерал-майор, – тут же с готовностью начал кратко перечислять Кошечкин. – Два года до отставки. Берет, но край видит и с особо грязными делами не связывается.

– Угу! – кивнула я. – А у нас на него что-нибудь есть?

– Конечно! – мягко улыбнулся Олег. – Как и на всех остальных, которые хоть что-то представляют собой в нашей области.

– Прекрасно! – попытожила я. – Значит, сегодня же... О, черт! Сегодня же воскресенье!

– Ну и что! – возразил Вадим. – Елена Васильевна! Вы просто пока не представляете себе своего нынешнего положения! Достаточно позвонить ему домой или на сотовый и он прибежит сюда, как миленький!

– Да? – удивилась я. – Ну, тогда звоните ему и договаривайтесь о встрече, но не здесь, а в Управе – не нужно ему видеть, что здесь творится.

– На какое время назначить встречу? – Вадим с готовностью потянулся к телефону.

– Да, если б я сама знала, как здесь дела пойдут, и когда я освобожусь? – вздохнула я. – Скажите просто, что я подъеду к нему после трех.

Вадим тут же начал названивать Самсонову, а я, тем временем, повернулась к Солдатову и спросила:

– Семеныч! Как у нас с агентурой в неблагополучной среде?

– Все мои связи – только в Пролетарском районе, – тут же отозвался он. – Я недавно с одним таким человечком встречался по делу... – он снова начал усиленно гладить свою голову. – Короче, после смерти Наумова Дьяк весь район подмял. Поднялся так, что только ой! У него кроме всякой швали около полусотни бойцов и почти все из них кровью повязано – сила серьезная. Начальник райотдела с ним на «вы» и через «пожалуйста» разговаривает...

– Даже так?! – поразила я. – А ведь Прокопов мне неслабым мужиком казался!

– А он и был такой! – с горечью возразил мне Семеныч. – Да вот только, когда сыну твоему из-за угла какой-то гадостью в лицо брызнут, а потом избьют так, что парень теперь инвалид на всю жизнь, а потом по телефону предупредят, что и дочь в случае чего такая же участь ждет, вся сила куда-то враз уходит.

– Вот мразь! – с ненавистью выдохнула я. – Надо будет с ним попозже разобраться! Когда ситуацию утрясется!

– Валентин Михайлович будет ждать вас у себя в кабинете, начиная с трех часов – сказал, между тем, Вадим, кладя трубку, и добавил, показывая, что и за нашим разговором он тоже следил: – У Владимира Ивановича обширнейшие связи среди этого контингента, но, насколько мне известно, он их никому не передавал. Эту часть работы он проводит только сам.

– Вот вам и еще одна причина, по которой Панфилова нужно было выманить из города! – безрадостно подытожила я, оглядывая собравшихся, и вдруг увидела, что Григорий, достав из цветного принтера отпечатанный портрет Коновалова, положил его на стол и, закрывая на нем ладонями то волосы, то подбородок, стоит над ним и самым внимательным образом рассматривает. – Ты чего, Гришенька? – мгновенно насторожившись, спросила я.

– Да лицо очень знакомое... – не отрываясь взглядом от листа, задумчиво сказал он. – Особенно глаза... Вроде бы видел я кого-то очень на него похожего... И не так, чтобы давно...

– Гришенька! – почти простонала я. – Вспоминай, родной! Вспоминай!

– Да нет! – с сомнением в голосе буркнул Солдатов. – Это вряд ли! Не стал бы Коновалов в своем родном виде по городу шляться! Постарался бы как-нибудь внешность изменить! Бороду, там, нацепил или...

– Вспомнил! – радостно крикнул Григорий. – Точно вспомнил! Усы! – и, видя недоверие на наших лицах, заторопился: – Репнины на прошлой неделе малышкой своих в цирк возили, ну вот и я ними поехал – я же там не был никогда! А потом мы в кафе зашли! Ну, что прямо напротив! Как же оно называется? – он яростно теребил мочку уха.

– «Муравейник»? – осторожно подсказала я.

– Точно! – обрадовался он. – Вот там я его и видел! Только волосы у него светлые были, а не темные, как на фотографии.

– А почему ты обратил на него внимания? С кем он был? Один? – мы дружно засыпали Григория вопросами.

– Он с мужчиной каким-то был, – напряженно глядя перед собой, словно стараясь воссоздать ту картину, говорил Григорий. – Только тот ко мне спиной сидел... Они разговаривали... А этот вот, – он потыкал пальцем в портрет. – Он вел себя странно: руку к лицу поднимет, за ус себя ухватит, а потом гладит его... И так несколько раз. Потому-то я на него внимание и обратил.

– Ну, конечно! – воскликнула я. – Ты же видишь, что у него крупная черная родинка над верхней губой! И он привык, когда думает или волнуется, на ней волоски теребить! Я это своими собственными глазами видела, когда в Москве с ним встречалась! А родинка эта – такая особая примета, что лучше и не надо! Вот он ее усами и закрыл! Все! – я облегченно вздохнула и посмотрела на Семеныча: – Выяснить у Репниных, какого точно числа это было, и потом в кафе! Бармена, официантов и всех прочих трясти, как грушу! А ты, Олег, – я повернулась к Кошечкину, – пока досье изучи.

Олег согласно кивнул головой, а Солдатов, угрожающе прорывчав:

– Да я из них сам лично душу вытрясу! – уцепил пачку портретов Коновалова и Лоринга и направился к двери. – Они у меня тот день по минутам вспомнят!

– Ну, слава богу! Хоть что-то проясняется! – с облегчением вздохнула я, глядя ему вслед, и увидела, что он почти столкнулся в дверях с невысоким, кругленьким, приветливо улыбающимся и таким уютным дедком, что хоть на елку вешай.

– Здравствуйте! – покивал он всем головой, и Светлов представил его:

– Это Тиша, наш специалист по замкам.

– Просто Тиша? – удивилась я.

– Ага! – он радостно улыбнулся мне в ответ. – И коротко, и ясно, и мне привычнее.

– Ну, Тиша, так Тиша! – согласилась я. – Присаживайтесь и рассказывайте, что там у нас.

– Так, – начал он. – От парадной-то замок, как был, так и есть нетронутый. От «черной», – он сморщился, – при желании и гвоздем открыть можно. А вот от кабинета... – он многозначительно посмотрел на меня, явно зная уже, что я здесь главная, и горестно вздохнул: – Какую вещь загубил, паршивец! И цены немалой, и сделана была добротной!

– В Швейцарии по спецзаказу делали! – веско добавил Вадим, на что Тиша тут же охотно отозвался:

– Ну-у-у! Это, конечно, да! Это мастера! Они умеют! – и тут же простежки добавил, обращаясь ко мне: – Только ведь нет такого замка, чтобы его открыть нельзя было! Уж ты мне, матушка Елена Васильевна, поверь!

Я повнимательнее присмотрелась к его рукам, точнее, к татуировкам колец на его пальцах и, не удержавшись, восхищенно воскликнула:

– Ого! – Передо мной сидел вор в законе! Естественно, бывший.

– Вижу, разбираешься ты, матушка! – тихонько рассмеялся он и на какое-то мгновение его взгляд стал таким, каким был когда-то: тяжелым, властным, давящим, но он тут же опустил глаза, а, когда поднял их на меня, то передо мной опять сидел добродушный и уютный старичок. – Захотелось, понимаешь ли, на старости лет человеческой жизнью пожить. Так что ты во мне не сомневайся! Пан не сомневается, вот и ты на это от дела не отвлекайся!

– Да, по-моему, это ты, Тиша, отвлекаешься, – возразила я, переходя на «ты», и напонила: – Мы с тобой вроде о замке начали говорить...

– Вот-вот, матушка! – тут же поддержал меня он. – И ведь говорил я Пану: «Давай, – говорю, – я для хозяина сам замок сделаю! Да такой, что об него, кто хошь, зубы обломает!». Так нет же! На заграничное потянуло! – возмущенно пробурчал он. – Вот и получайте теперь!

– Так ты же сам только что сказал, что нет такого замка, который открыть нельзя! – удивилась я и съехидничала влегкую: – Или ты ревнуешь молодежь к своим былым свершениям? К тому, что такие классные специалисты выросли?

– Я, когда этого специалиста увижу, – наклонившись ко мне, словно по секрету, сказал Тиша, – руки ему вырву и к тому месту приставлю, откуда они у него аккурат и растут. Нашла специалиста! Тоже мне!

– Но замок-то он открыл! – удивилась я.

– Это не он открыл! – внезапно разъярился Тиша. – Это инструмент открыл! Да такой, что с ним и пятилетний ребенок любой швейцарский сейф, как коробку конфет откроет! Да вот только не к рукам ему эта гармонь, коль он замок повредить умудрился!

– Подожди-подожди! – остановила его я и, пристально глядя на него, спросила: – Ты о каком-то конкретном инструменте говоришь, как я поняла. Так?

– Ну, так! – нехотя буркнул он себе под нос.

– Ты, Тиша, не молчи! – вкрадчиво попросила его я, подпустив в голосе металла. —Ты, Тиша говори! Мы же с тобой теперь в одной лодочке плывем! Случись чего, вместе и на дно пойдем!

– Да понимаю я! – отмахнулся он и, увидев, что я курю, тоже потянул из кармана брюк пачку «Примы» и начал неторопливо закуривать, явно размышляя, что можно сказать, а что – нет. – Ну, слушай, матушка! – видимо, решившись, сказал он. – Был такой мастер – Никитушка. Руки! – он восхищенно помотал головой. – Только целовать! Всего четыре полных комплекта он за свою жизнь и успел сделать – спился! – пояснил он. – Вот бывают люди, что всю жизнь пьют, и ничего. А у него организм такой особый был, что быстро он к этому делу пристрастился. А какая же работа, когда руки ходуном ходят? Уж мы и стыдили его! И, грешным делом, били – несильно, правда! А все без толку! А, с другой стороны, сами виноваты – ему же за инструмент бешеные деньги платили! Его же отмычки в любой замок, как нож в масло входили! Эх! – он горестно махнул рукой, а я не торопила его, понимая, что никуда он теперь не денется и все расскажет, ну, пусть через пять, через десять минут, но расскажет обязательно. И он, видимо, оценив мою деликатность и терпение, наконец, сказал: – Отмычка-то, которой кабинет открывали, Никитушкиной работы была.

– А где теперь его инструменты? У кого они? – осторожно поинтересовалась я.

– У кого? – он тяжело вздохнул и сказал: – Ну, один набор у меня, – и, предупреждая мой вопрос, добавил: – В целости и сохранности. Второй – в музее на Петровке, третий, как я слышал, в Америку один из наших увез. А четвертый... – он замолчал и я, не выдержав, укоризненно протянула:

– Ти-и-ша!

– Ну, у Ковалья четвертый! – нехотя пробормотал он.

– То есть у Петра Петровича Ковалева? – заорала я, подскочив, и уставилась на него во все глаза.

– Ну и что? – не поняв моего волнения, удивился Тиша. – Он по молодости лет, ох, и лихим взломщиком был.

– Вадим!.. – я повернулась к нему, чувствуя, что у меня невольно дергается уголок рта.

– Я забыл вам сказать, Елена Васильевна, что Владимир Иванович ездил к этому человеку и получил от него твердые гарантии, что его... – Вадим замялся. – Скажем так, партнер, больше не практикует, и мы можем быть спокойны.

– Дай-то бог! – пробормотала я. – Очень хочу в это верить! Но... – я повернулась к Тише и спросила: – А Коваль не мог этот набор кому-то продать?

– Вряд ли! – с сомнением в голосе, немного подумав, сказал он. – Вещь, конечно, цены немалой... Очень даже немалой! Но... Нет! – решительно заключил он. – Коваль не бедствует, чтобы ради денег с таким набором уникальным расставаться. Да и память о молодости это. А потом, купи у него кто-нибудь этот инструмент, слушок бы обязательно прошел! Слаб человек! – осуждающе сказал он. – Не удержался бы и обязательно похвалился, чем теперь владеет.

– А украсть у Ковалья не могли? Он же уезжал куда-то надолго? – спросила я, и Тиша уставился на меня, как на сумасшедшую.

– Матушка! Да ты ль поняла сама, чего сказала? – обалдело спросил он. – У Ковалья украсть! Надо ж было такое удумать! Никитушкин инструмент – вещь легендарная! Его ни с каким другим не спутаешь! И в кармане не спрячешь! А как визнают люди, кто это такое сотво-

рил, то и жить этому умельцу до первой сходки – это, если он из наших. А, коль чужой, так его и без нее порешат!

– Значит, это совершенно нереально? – уточнила я, и Тиша в ответ только покивал головой. – Ну, раз так, Тиша, то мне, – я уперлась локтем в стол, подперла голову кулаком и самым будничным тоном закончила: – телефон Ковалю нужен.

Услышав это, Тиша подавился сигаретным дымом и закашлялся, а потом, вытерев выступившие слезы, хрипло спросил:

– Откуда ж я тебе его, матушка, возьму?

– Елена Васильевна! – встрял Вадим. – У Владимира Ивановича должен быть.

– Естественно, – согласилась я. – Да вот только самого Владимира Ивановича нет, и ждать его времени тоже нет. Или вы думаете, что я у него в кабинете обыск устраивать буду? – Вадим только растерянно пожал плечами. – Вот именно! Да и не держит он такие вещи на открытом месте. Небось, в сейфе запер!

– Матушка! – обрадовался Тиша. – Да я тебе этот сейф... – начал, было, он, но под моим взглядом быстро увял и потупился.

– Ти-и-иша! – укоризненно сказала я. – Неужели тебе легче сейф вскрыть, чем к Филину съездить? Ведь наверняка знакомы! Ну, что тебе стоит поинтересоваться у него телефоном своего бывшего коллеги. Тем более, что Коваль от дел отошел и женился к тому же!

– Ну, знаком я с Филином! – нехотя согласился он. – Только к нему я не поеду – поругались недавно.

– Чего же это вы не поделили? – удивилась я.

– Так! – неопределенно ответил он, глядя в сторону, и, вздохнув, пообещал: – Ладно! Добуду я тебе телефон! Позвоню кое-куда и выясню! – а потом с совершенно непонятным мне выражением лица, покачивая головой, сказал: – Ох, и хватка у тебя, матушка! Мертвая! И знаешь чего? – он немного подумал, колеблясь: говорить или нет, а потом все-таки сказал: – А ведь ты, матушка, Пана со временем заменишь! Попомни мое слово – заменишь!

– Ну это уж, Тиша, как пойдет! – ответила я и, возвращаясь к дню сегодняшнему спросила: – Ты замок-то от кабинета наладить сможешь? Не стоять же там парню столбом несколько дней!

– А! – отмахнулся, поднимаясь, Тиша. – Дело нехитрое! Сейчас и займусь! Ну, пойду я, матушка! А то у тебя сейчас дел невпроворот, а я тут тебе своими рассуждениями стариковскими голову морочу. А, как телефончик-то узнаю, так тут же и приду!

Он вышел, а смотрела на закрывшуюся за ним дверь и мысли у меня в голове плясали польку-галоп: то, что сказал Тиша, могло объяснить все сразу, а могло и запутать ситуацию еще больше.

– Елена Васильевна! – как сквозь вату, донесся до меня голос Вадима.

– А? Что? – очнувшись от своих размышлений, спросила я.

– Я понял, о ком вы сейчас думаете... – начал, было, он, но тут дверь распахнулась, и вошедший парень в камуфляже с порога громко и радостно сказал:

– Командир! Докладываю: мы нашли!

На минуту в комнате повисла мертвая тишина, а Светлов, недовольно скривившись, показал парню глазами на меня, давая понять, что докладывать нужно мне, и тот тут же повернулся в мою сторону.

– Виноват, Елена Васильевна! Мы нашли!

– Что вы нашли? – внезапно пересохшими губами спросила я, и под ложечкой засосало от нехорошего предчувствия.

– Елена Васильевна! Этого словами не описать! Нет! – поправился он. – Описать-то можно, только вы не поверите. Это видеть надо!

– Значит, будем видеть! – решительно произнесла я, поднимаясь. – Куда идти?

– Вообще-то, – замялся парень, – далековато идти придется.

– Ничего! Я уже предупреждала Кирилла Владимировича, что набегаться нам придется досыта, так что мы ко всему готовы.

Выйдя с территории усадьбы, мы свернули налево и двинулись вдоль ограды. Идти нам пришлось не меньше получаса, когда мы увидели впереди группу светловских бойцов и большую черную овчарку, которая равнодушно посмотрела на нас и тут же отвернулась – мы были ей совершенно неинтересны (без команды, конечно!).

– Ну, что вы здесь нашли? – спросила я, подходя к ним.

– Да вот выяснили, как он в усадьбу проник, – сказал какой-то парень и, судя по тону, явственно ощущая, что я ему не поверю, объяснил: – Он через ограду перепрыгнул.

На миг я опешила, а потом раздраженно спросила:

– Это, что? Шутка? Так обстановка к ней как-то, знаете ли, не располагает!

– Да нет, Елена Васильевна! – вздохнув, словно он лично был в этом виноват, ответил он. – Он действительно перепрыгнул через ограду.

– Молодой человек! – сквалыжным тоном начала я. – Эти бетонные плиты высотой никак не менее трех метров...

– Три с половиной, – деликатно дополнил Светлов и уточнил: – И на столько же в землю уходит. Ну, чтобы никто подкоп не мог устроить.

– Тем более! – подчеркнула я. – Поверху идет «колючка»...

– Под напряжением, – опять уточнил Светлов.

– Хорошо, – кивнула я. – Значит, все в сумме это дает никак не менее четырех метров.

Так такую высоту, насколько мне известно, даже олимпийские чемпионы не берут! И потом, где же тогда шест? И как охрана могла прошляпить человека, который прет такую орясину? Или он, по-вашему, с места сиганул? Или здесь мертвая зона?

– Позвольте мне все-таки объяснить! – терпеливо заметил парень и начал рассказывать: – Здесь не мертвая зона. Камеры, вообще, установлены так, что мертвой зоны не существует. По всей видимости, этот человек – профессионал высочайшего класса и кроме того он очень хорошо подготовился. Смотрите, – показал он, – на расстоянии пяти метров от ограды вся растительность выкорчевана и тут ровное, забетонированное место, а вот дальше идут кусты с деревьями. Он прополз через кусты...

– Но они должны были шевелиться, и это не могло остаться незамеченным для охраны, – попыталась возразить я, на что парень отреагировал совершенно спокойно:

– Ветер! Он качал ветки деревьев, и тень от них двигалась по земле и кустам, вот на это никто и не обратил внимания. Потом он подошел сзади к этому дереву, – он показал на мощный и старый дуб, – и залез на него.

– Дорогой мой! – иронично сказала я. – Я в детстве сама лазала по деревьям, как обезьяна, и хорошо знаю, что для того, чтобы забраться на них, нужны ветки хотя бы в пределах досягаемости, а здесь они начинаются метрах в трех от земли. Ствол же такой толстый, что его не обхватить.

– А он... – начал, было, парень, а потом сказал: – Рискнете? – и кивнул на влажную, размокшую от растаявшего снега и еще не высохшую землю.

– Рискну! – бодро ответила я, и мы все двинулись к дубу.

– Смотрите! – сказал парень и показал на свежие глубокие царапины на коре дерева с противоположной от ограды стороны. – У него на руках и на ногах были приспособления, что-то вроде когтей, так что ему ничего не стоило забраться наверх, выбрать там ветку попрочнее и поудобнее, пройти по ней до конца, раскачаться и... И перелететь через ограду.

– У него, что, крылья на ногах? – обалдело спросила я. – Тут до ограды метров семь, не меньше... Ладно! Пусть шесть, если считать длину ветки! Да и там, уже внутри усадьбы, ему, как минимум, еще два метра запаса надо было иметь. Итого: восемь. Для того, чтобы

прыгать, ему нужен был запас высоты. Ограда со всем, что на ней, вкуче дает четыре метра, так что прыгать ему нужно было метров с пяти, а, скорее, с шести. Предположим, что все было, как ты сказал, но с каким же тогда ускорением ему приземляться пришлось? Да он бы себе руки-ноги переломал! А он после этого еще по дому шастал!

– Да нормально он приземлился! – ответил мне второй парень. – Неаккуратно только!

– В каком это смысле? – прищурилась на него я.

– А прямо на лужайку! Ее деревья от солнца не затеняют, вот на ней молодая трава и вылезла уже всюю, а он, падая, ее и повредил. Мы потому на вот это место, – он потопал ногой по земле, – и вышли, что там, – он махнул рукой в сторону усадьбы, – Буран, – он кивнул на овчарку, – забеспокоился. Мы его с поводка спустили, и он тут же к лужайке рванул. Присмотрелись мы, как следует, к траве и по следам на земле, а точнее, в земле, поняли, что это из-за ограды кто-то прилетел. Пошли сюда, чтобы все прочесать, а Буран нас прямо к этому дереву и привел.

– Ну, прямо Бэтмен какой-то! – раздался восторженный возглас Григория – он и сюда, пронира, пробрался! – Как же здесь интересно жить! В Америке такое только в фильмах увидеть можно, а здесь – прямо в жизни!

– Ну, что ж, давайте пойдём и посмотрим, как это все с другой стороны выглядит. – Я взяла Григория под руку и двинулась в обратный путь, негромко и с ласковой угрозой в голосе отчитывая его: – Гришенька! Твое дело – компьютеры, программы и все такое прочее. И сейчас тебе следовало бы, как и обещал, что-то там с письмом мудрить или рядом с отцом сидеть и досье изучать – вдруг тебе с твоим нестандартным, как мне Егоров сказал, мышлением какая-нибудь светлая мысль в голову придет, а ты тут зря время теряешь, по пленэру таскаясь.

Григорий насупился, обиженно пошмыгал носом, но ничего не сказал и я поняла, что он со своей неумной, нерастроченной в детстве, которого у него, в общем-то, и не было – какое же детство в интернате? – тягой к приключениям будет постоянно путаться у меня под ногами. Почти со скандалом отправив его обратно в «техцентр», я вместе с Николаем, Вадимом, Светловым и его парнями прошла до лужайки, которую уже начало пригревать, а заодно и освещать, скупое по ранней утренней поре апрельское солнышко. И, только низко наклонившись к земле, я смогла разглядеть, что трава действительно была немного, почти незаметно примята.

– Интересно, как же этот супермен обратно выбрался? – устало спросила я.

– Еще не знаем, – пожали плечами парни. – Будем искать!

– Ну, бог вам на помощь! – сказала я. – И поторапливайтесь, ребятки! Сами понимаете – время дорого!

Светлов остался со своими бойцами, а мы направились в «техцентр» и по дороге Егоров, видя мой совершенно убитый вид, шепнул мне на ухо, явно желая немного отвлечь:

– Ленка! Я забыл тебе сказать, что нарыл кое-что по «осам», да только все на английском языке, а я в нем – ни бельмеса – я же немецкий учил. Я тебе звонил в санаторий, когда все это нашел, да твоя церберша, в смысле, Галина, меня отшила.

– П-п-по «осам»? – заикаясь от волнения, спросила я и потрясенно воскликнула: – Как же ты умудрился? Без знания-то языка?

– Обыкновенно! – отмахнулся он. – Неужели ты думаешь, что для того чтобы латинскими буквами написать слова «оса» и «Остерин» нужно обязательно язык знать. Ну, в общем, написал я их и стал шарить. Вот и нашел. Делов-то!

– Мыкола! Ты гений! – восхитилась я.

– Сам знаю! – самонадеянно заявил Егоров и тут же улыбнулся, чтобы я не подумала, что он это всерьез, а я тут же всполошилась:

– А Григорий этого не видел? Для него же английский практически родной! А то с его характером...

– Ленка! – укоризненно покачал головой Колька. – Это я только с виду полный дурак, а на самом деле – всего лишь полудурок и понимаю, что спички детям – не игрушка. И, попади ему это в руки, он таких дров наломает, что потом хлебать – не расхлебать!

И тут мне пришла в голову очень неплохая идея, и я обратилась к Вадиму, который шел, напряженно о чем-то думая, немного в стороне от нас.

– Вадим! – позвала я его по имени, справедливо решив, что, если уж я со всеми остальными на «ты» и без прочих официальностей, то и с ним можно. – Что ты знаешь обо всей этой истории с «осами»? – спросила я, когда он подошел поближе. – Я потому спрашиваю, что Николай сумел обнаружить некоторые документы о них, но они на английском языке. Отдавать их для перевода Григорию – так потом беды не оберешься, а в чужие руки – вообще, нельзя. Так не мог бы ты?..

– Я понял, – кивнул головой он. – Об «осах» я знаю, естественно, все тоже, что и вы...

– «Ты!» – поправила его я.

– Хорошо! – кивнул он. – Ты с Павлом Андреевичем и Владимиром Ивановичем – это же моя работа. Так что я их, конечно же, переведу. Где они?

– Здесь, – ответил Николай. – В смысле, в «техцентре». Я думал, что, поскольку ими никто больше не интересуется, то эта тема уже и закрыта навсегда. Я о них потому никому и не говорил.

– Тогда давай мухой за ними и неси сюда – мы с Вадимом в кабинете будем, – предложила я, и Егоров почти бегом бросился за документами.

По дороге в кабинет я попросила Вадима организовать нам туда кофе, побольше и покрепче.

– Вообще-то, ты, Елена, – усмехнулся он, – уже и сама можешь здесь распоряжаться.

– Брось, Вадим! – отмахнулась я. – Делать мне больше нечего, как свое самолюбие по мелочам тешить.

В результате к Колькиному появлению кофе был уже сервирован и я, удобно устроившись в кресле и, наконец-то, добравшись до своей сумки, с удовольствием закурила «свою» сигарету – я уже много лет предпочитала только с ментолом и от всех остальных очень скоро начинала кашлять.

– Вот! – заявил с порога Колька и передал Вадиму лазерный диск.

Тот аккуратно взял его и спросил:

– И где же вы, Николай Владимирович, это найти смогли?

– Ой, не пытай ты меня, гражданин начальник, про то место заветное! – дурашливо начал Колька, но я остановила его:

– Мыкола! Кончай хохмить! Это же действительно секретная информация. И просто так нигде быть не могла.

Егоров понял, что я не шучу, и серьезно ответил:

– Ну, в ЦРУ!

– Где? – потрясенно воскликнули мы с Вадимом в один голос.

– Ох, грехи наши тяжкие! – вздохнул Егоров. – Ну, в базу данных ЦРУ я влез. Пошарил там... Аккуратно... Вот и надыбал.

– Ты... ты... ты понимаешь, что ты наделал? – срывающимся голосом заорал Вадим, от волнения переходя на «ты». – Ты же Павла Андреевича под монастырь подвел! О, господи! – горестно простонал он. – Заставь дурака богу молиться!..

– Вы, Вадим Родионович, если в чем не шмендеферите, так молчите и тогда сойдете за умного! – окрысился на него Егоров. – Я не вчера родился! И на компьютере умею не только в «Тетрис» играть! Взлом они, конечно, уже давно обнаружили, а вот, кто и откуда к ним влез, они никогда не найдут!

– Точно? – уже спокойнее и с откровенной надеждой в голосе спросил Вадим. – Вы гарантируете?

– Отвечаю! – закуривая, чтобы успокоиться, ответил Колька. – Это две недели назад было! Если бы они за это время докопались, то уже дали бы о себе знать.

– Ну, слава богу! – от облегчения Вадим только что лужей по креслу не растекся.

– Все! – решила я сказать свое веское слово. – Эмоции выплеснули? Отношения урегулировали? – Они, не глядя друг на друга, кивнули – Ну тогда шагай, Николай, трудиться, я тоже своими делами займусь, а Вадим Родионович пока переводить будет.

– Извини, Лена, но мне надо к переговорам готовиться, так что я уж попозже немного. Ты не возражаешь?

– Хорошо! – согласилась я

Колька все еще недовольно кивнул и ушел, а я повернулась к Вадиму и предложила:

– Вадим, подробный письменный перевод ты действительно сделаешь попозже, а прямо сейчас давай посмотрим, что там есть хотя бы в первом приближении. – Вадим обалдело уставился на меня, и я спросила: – Ты чего?

– Лена, я думал, что ты полностью доверяешь Егорову.

– Вадим, – серьезно ответила я. – Жизнь свою я ему доверю, не раздумывая, но! Однажды он уже рассказал нам с Орловым то, чего ни в коем случае рассказывать не имел права. Так, какие у меня гарантии того, что он не поделится этой, – я кивнула на диск, – информацией еще с каким-нибудь человеком, заслуживающим, по его мнению, полного доверия? А нету их! Так что лучше уж перебдеть, чем недобдеть

– Я понял, Лена, – кивнул Вадим, вставляя диск в компьютер и, когда на экране монитора появился английский текст, пробегая глазами по строчкам, начал медленно говорить: – Это доклад ЦРУ, представленный сенатской комиссии по безопасности. Тут говорится, что летом 82-го года в СССР был поставлен эксперимент по созданию диверсионного отряда из лиц... – он осекся, а потом растерянно прошептал: – приговоренных к расстрелу.

– Чего?! – буквально подскочив на месте, заорала я и во все глаза уставилась на него. – Ну, тогда я поняла, почему в тех многочисленных статьях, что перед свадьбой везде, где только можно и нельзя, публиковались, о том, что Ирочка по отцу принадлежит к роду Остерманов, говорилось, а вот о ее матери не написали ни строчки. Хотя... К расстрелу женщин, как и несовершеннолетних, вообще, никогда не приговаривали. Для них, насколько я помню из институтского курса, в 82-ом году «вышкой» было десять лет и давали такой срок только за убийство, причем не абы какое, а с отягчающими.

– А я понял, о чем в тот день, когда Остерин с Ириной Георгиевной встретился, он с Павлом Андреевичем наедине здесь в кабинете разговаривал, когда все разошлись, – задумчиво сказал Вадим.

Некоторое время мы молчали, переваривая эту потрясающую новость, а потом я сказала:

– Ну, давай продолжай, что ли? – и он стал переводить дальше:

– Официально они все считались мертвыми, а их родственники должны были служить гарантией того, что они будут честно служить, – он замолчал и, пробежав глазами дальнейший текст, продолжил: – Руководителем проекта стал генерал-лейтенант Макаров.

– Был такой, – подтвердила я. – Это друг Остерина, который в 91-ом в результате несчастного случая погиб.

– Ага! – кивнул Вадим, не отрывая глаз от монитора. – А непосредственной подготовкой отряда занимался генерал-майор Остерин. Подготовка осуществлялась в специально созданной для этого колонии «ОС-8», начальником которой был назначен Остерин, поэтому отряд назвали «Оса». Американцы пытались внедрить в этот проект своего агента по кличке Лиса, но не смогли, хотя кое-какую информацию он им все-таки сообщал. Например, то, что в отряде восемь человек, из которых один, командир отряда и сын Остерина Дмитрий, является кадро-

вым офицером, а остальные семь – бывшие заключенные. Тут их клички, – он поднял на меня глаза. – Надо?

– Конечно, надо, – кивнула я.

– Хорошо, – Вадим поморщился – дым от моей сигареты шел ему прямо в лицо, и я пересела, чтобы он ни на что не отвлекался. – Значит, так. Командир отряда Бан, дальше идут Тил, Бакс, Сол, Лап... Елена, у меня получается «Лапша», – он поднял на меня недоуменный взгляд.

– Не отвлекайся! Как получается, так и получается, – успокоила его я.

– Ну, тогда это, наверное, Грач, – продолжил он. – А вот это... Кха... Похоже, это Ханум, мать Ирины Георгиевны. И последний... – Вадим пожал плечами. – Елена, последнего звали «Десять».

– Ты ничего не путаешь? – удивилась я.

– Да вот же написано, – он ткнул пальцем в экран – действительно, написано: Тен.

– Тен, тен, – вслух повторила я. – Что это может значить? – я растерянно посмотрела на него.

– А почему ты не удивляешься, что могут значить Тил, Бан или Сол? – в свою очередь спросил меня он.

– Подожди! – остановила его я. – Насколько я помню, Остерин говорил не «Тил», а «Тиль», значит, «Сол» это вполне может быть «Соль», а «Тен», соответственно, «Тень»? А?

– Скорее всего – да, – задумчиво согласился Вадим. – Они же писали русские слова латинскими буквами, а мягкого знака в английском языке нет.

– Ну, тогда, с этим все ясно, хотя и непонятно, что это нам дает, – заключила я и спросила: – Что там дальше?

Вадим опять углубился в текст и начал переводить:

– К подготовке были привлечены лучшие силы, их тренировал, какой-то Учитель, причем это с большой буквы написано, который... – Вадим обалдело уставился в монитор, потом растерянно посмотрел на меня и, наконец, сказал: – Который был ниндзя.

– Твою мать! – заорала я, подскочив, как ужаленная, и начала расхаживать по кабинету. – Ну, вот только этого нам для полного счастья и не хватало! А, может, они еще и инопланетян к подготовке привлекали? Ну, полный дурдом! – и, немного успокоившись, спросила: – Что они там еще понаписали?

– Так... – сказал Вадим, прогоняя текст вниз. – Так... Вот. База отряда находилась на территории Афганистана недалеко от Мазари-Шерифа... Дальше идет перечисление операций, в которых участвовал отряд... Тут Азия, Южная Америка, Африка, Афганистан... – медленно перечислял он, пробегая глазами по тексту, и вдруг остановился. – Вот! – и начал переводить дословно: – «К сожалению, наш агент в июне 85-го года был переведен для дальнейшего прохождения службы в Эстонию и вернулся на работу в Москву только в декабре 88-го года, когда и сообщил нам, что отряд по-прежнему существует. Мы тут же потребовали от советского правительства выдачи нам этого отряда и получили согласие, но отряд погиб в январе 89-го года, когда их машина сорвалась в пропасть».

– Все правильно! Как Остерин и говорил, отряд погиб. Но, черт побери меня совсем! – не выдержала я. – Хоть дерись, но не тот хвост у этого кота! Их лучшие специалисты готовили! Аж ниндзя к этому делу привлекли! А они взяли и в пропасть свалились! Как это глупо! Невероятно глупо и нелепо!

– Но ведь Орлов совершенно определенно сказал, что машина сорвалась в пропасть у него на глазах, и ни у кого из «ос» не было ни единого шанса спастись. И, кроме того, Дмитрий Георгиевич обязательно дал бы как-то знать своему отцу, что остался жив. Да и Ханум постаралась бы найти возможность связаться с ним. Не забывай, что у него жила их с Дмитрием дочь!

– Да помню я все это, Вадим! – скривилась я. – Все я прекрасно помню! Но Остерина весной перевели в Москву и его адреса никто в Ташкенте не знал. Ведь Уразбаева, когда Ирочку нашла, наверняка пыталась его отыскать, чтобы сообщить о ней, но не смогла.

– Но тогда Ханум связалась бы хотя бы с матерью! – возразил мне Вадим.

– Опять не проходит! – отмахнулась я. – Когда я поисками Ирочкиных родителей занималась, то выяснила, что Вера Николаевна летом 82-го переехала из Казани в Баратов, и связи между ними, я думаю, не было, потому что именно Остерин посылал ей Ирочкины детские фотографии. Да и потом, Вера Николаевна обязательно сказала бы нам, если бы ее дочь была жива! Ну, пусть не нам! Но Ирочке она обязательно сказала бы – Ханум же ей все-таки родная мать!

Я встала и начала разгуливать по кабинету, а Вадим спросил:

– Дальше переводить, Лена?

– Потом Вадим, когда у тебя свободное время появится – вряд ли там будет что-то уж очень интересное – отряд-то погиб.

– Елена, а ты не считаешь, что мы немного отвлеклись от темы. Нам сейчас надо о дне сегодняшнем думать. Кто нам угрожает, мы выяснили, а теперь не мешало бы узнать, кто проник в усадьбу и что он хотел сказать этой запиской?

– Кто, я теперь могу сказать совершенно точно – это был так называемый «Иван Иванович Кузнецов», потому что свои инструменты Коваль никогда в жизни из рук бы не выпустил, а вот своему любимому персональному киллеру вполне мог отдать для работы. И, хоть дерись, но имеет этот Иван самое прямое отношение к отряду! И татуировка осы у него именно оттуда! – уверенно заявила я. – А, если учитывать, что их готовил ниндзя, то становится понятно, что подобные выкрутасы, вроде перелета через стену, ему вполне по силам – если верить фильмам, то эти люди еще и не на такое способны.

– Но Коваль сказал, что этот человек отошел от дел и нам его бояться нечего, – напомнил мне Вадим.

– Так это бояться! – возразила я. – А вдруг он по совершенно неизвестной нам причине перешел на нашу сторону и хочет нам помочь. Ведь именно кто-то из его людей прошлым летом по заказу Лоринга и Коновалова директора судоремонтного завода с сыном кончил, как, впрочем, и Наумова с телохранителем! Так что «Кузнецов» вполне в курсе происходящего и, опасаясь, что эти мерзавцы собираются нам крупно напакостить, почему-то предостерег нас. Но почему?!

Вадим сидел и напряженно о чем-то думал, а потом хоть и с сомнением в голосе, но согласился со мной.

– Хорошо, Елена, не будем исключать того, что в силу ряда неизвестных нам обстоятельств этот человек мог перейти на нашу сторону. Но тут возникает вполне резонный вопрос: почему он предупредил нас именно таким образом? Почему он просто не позвонил в офис или не отправил письмо? Так что исключать тот вариант, что он все-таки, вопреки утверждению Ковалева, не отошел от дел и взялся за старое, а записка была подложена с целью демонстрации силы, чтобы заставить нас нервничать и наделать ошибок, тоже не стоит.

– Ты бы, Вадим, еще предположил, что это эдакое своеобразное официальное объявление войны, – не удержавшись, съязвила я, возвращаясь в свое кресло. – А, что? Как там какой-то древний князь писал? «Иду на вы!»? Так, может, ты думаешь, что и наш «Кузнецов» решил, что, наконец-то, нашел для себя достойного противника и хочет сразиться с ним по всем правилам рыцарского боя? Ты на это намекаешь? – Вадим только пожал плечами, а я категорично заявила: – Ерунда! – а потом объяснила: – Как мне кажется... Да нет! Я точно знаю, почему он не обратился к нам как-то иначе. А потому, что тогда его предупреждение мы могли бы просто проигнорировать! Мало ли, что какой-нибудь псих мог написать или наговорить! А тут он, позовив нас мордой по столу и наглядно продемонстрировав нашу уязвимость, так нас взбод-

рил, что мы теперь будем носиться, как посолёные! Так что своей цели – предупредить нас об опасности, он добился! Можешь мне на это что-то возразить? – Возражений не последовало, а я, скривившись, почти простонала: – Ох, «Кузнецов-Кузнецов»! Что ж ты за человек такой невероятный? И где мне тебя искать, чтобы выяснить, что ты затеял? – я поднялась и снова стала разгуливать по кабинету, напряженно размышляя, а потом остановилась и решительно заявила: – Вот что, Вадим! Сейчас обо всем этом, – я кивнула на компьютер, – знают только Павел с Остеринным, которые естественно будет молчать, и, может быть, Орлов, но из него и клещами слова не выжмешь. Вот и нам с тобой следует помалкивать.

– Это само собой разумеется, Елена, – согласился Вадим, а я, подумав, предложила:

– А пригласи-ка ты сюда господина Орлова! И пусть он нам подробненько расскажет, как именно погиб отряд.

Вадим с готовностью схватился за трубку и позвонил в гостевой домик Владу, после чего сказал мне:

– Сейчас придет!

Я подошла к окну и, глядя на Волгу, стала морально готовиться к встрече с Орловым – перед глазами тут же встало его потерянное лицо и больные глаза, какими он смотрел на меня на свадьбе Матвея. «Господи! – мысленно взмолилась я. – Подскажи, как мне себя с ним вести!». И тут я услышала сзади обеспокоенный голос пришедшего Влада, который спросил:

– Вадим! Что-то еще случилось?

Я собралась с силами, медленно повернулась к нему и, встретившись с ним взглядом, на мгновение растерялась: Влад смотрел на меня спокойно, доброжелательно, но так, как смотрят на совершенно чужого человека, а не на пусть и бывшую, но жену, которая к тому же родила от него сына. «Что за черт? – удивилась я. – Что с ним такое могло произойти? Откуда такое безразличие? Ладно бы злился на меня или чувствовал себя виноватым, но смотреть на меня вот так? – а потом решила: – Потом разберусь! Не до этого сейчас!».

– Извините меня, Владислав Николаевич, – ровным голосом сказала я, – но ситуация такова, что без вашей помощи нам не обойтись. Я знаю, что вы дали слово офицера никогда больше ко мне не подходить, но в случае необходимости Вадим Родионович сможет подтвердить, что наша встреча – это исключительно моя инициатива и вашей вины в этом нет.

– Я слушаю вас, Елена Васильевна, – с готовностью ответил он.

– Владислав Николаевич! Я понимаю, что вы офицер и такое понятие, как присяга, для вас не пустой звук, но сейчас речь идет о благополучии всей Семьи, и поэтому я прошу вас очень подробно рассказать нам, как именно погиб отряд «Оса».

– Извините, Елена Васильевна, – развел он руками. – Я понимаю, что ситуация сложная и готов помочь, чем только смогу, но без разрешения Георгий Дмитриевича я могу только повторить вам то, что уже говорил раньше. Отряд «Оса», все шесть чело...

– Стоп! – невольно вырвалось у меня. – Сколько их было?

– Их было шесть человек, – ответил Орлов, недоуменно взглянув на меня.

– Как шесть? Их же было восемь! Это совершенно точно! – воскликнула я.

– При мне их было шесть, – твердо сказал Влад.

– Очень интересно, – задумчиво сказала я и попросила: – Перечислите мне, пожалуйста, их имена. Поскольку отряд погиб, им это уже не повредит. Предвидя вопрос: «Зачем?», объясняю – надо! Так как же их звали?

Немного поколебавшись, Орлов все-таки перечислил:

– Бан, Бакс, Лапша, Тиль, Грач и Ханум.

– Спасибо, Владислав Николаевич, – сказала я и спросила: – А как вы думаете, куда делись еще два человека?

– Не знаю, – пожал он плечами.

– Значит, несмотря на его болезнь, придется обратиться к Георгию Дмитриевичу, – решила я и, повернувшись к Вадиму, спросила: – Где он? В гостевом?

– Нет, Лена! Он в доме, но поговорить с ним, к сожалению, невозможно, – отводя взгляд, сказал Вадим. – К нему нельзя.

– Почему? – насторожилась я. – Что происходит?

– Я не стал тебе говорить, чтобы еще больше не волновать, – смущенно сказал Вадим. – Дело в том, что у Георгия Дмитриевича был очень сильный сердечный приступ.

– А почему он не в больнице? А Ирочке вы сообщили? – всполошилась я.

– Нет, – покачал головой Вадим. – Он категорически запретил беспокоить Ирину Георгиевну. Сказал, что свадебное путешествие только раз в жизни бывает. А от больницы он наотрез отказался, заявив, что здесь, рядом с близкими людьми он скорее поправится.

– Не ври, Вадим! – отрывисто бросил Орлов и, повернувшись ко мне, дрожащими губами произнес: – Дядя Гера умирает!

– Как умирает?! – воскликнула я, на мгновение растерявшись от этой новости, но тут же взяла себя руки и спросила Орлова: – И, что, никакой надежды нет? – В ответ тот только грустно покачал головой. – Ну, уж нет! – мгновенно взъярилась я. – Еще чего! Нашел мне время умирать! Да кто бы ему дал?! Он мне живой нужен, значит, таким и будет!

И я бросилась бегом вниз к комнате, где находилась оборудованная по последнему слову медицинской техники своеобразная мини-больничка для обитателей усадьбы, здраво рассудив, что Остерин мог быть только там. Вадим немного задержался, чтобы запереть кабинет, а Орлов побежал вслед за мной. Подбежав к двери, я чуть приоткрыла ее и увидела лежащего с закрытыми глазами на кровати Георгия Дмитриевича, которого держала за руку сидевшая в стоявшем рядом с кроватью кресле Нина Максимовна. На каком-то приборе, от которого к Георгию Дмитриевичу вели разноцветные проводки, на фоне черного экрана нервно пульсировала кривая зеленая линия, и со стороны казалось, что это старый, больной и бесконечно уставший тигр, напрягая остатки последних сил, пытался убежать от своего самого страшного врага – смерти. Кроме Остерина в палате находились еще два человека в белых халатах, и я недовольно буркнула Вадиму, который тоже уже успел спуститься и теперь тяжело дышал у меня за спиной:

– Я же тебя спрашивала, кто из новых людей есть сейчас в усадьбе! Что же ты мне о врачах ничего не сказал?

– Так они же из нашей больницы! – удивился он. – Ну, из той, что Павел Андреевич на свои деньги для бедных построил. А там все сто раз проверенные – они же Семью тоже обслуживают.

– Да хоть сто сорок! – буркнула я. – А сказать о них ты должен был!

Между тем, почувствовал мой взгляд, совсем не дружелюбный, между прочим, или просто услышав мой гневный шепот, к двери повернулся старший из мужчин, и я поманила его в коридор.

– Я Орлова, – представилась я, когда он вышел.

– Знаю, наслышан, – устало отозвался он.

– Скажите, положение у Георгия Дмитриевича очень серьезное? Есть хоть какая-нибудь надежда на то, что он поправится?

– Сударыня! – криво усмехнулся он. – О чем вы говорите? Какая надежда? Я, голубушка, чудеса творить не умею. Уж извините! – зло оскалившись, развел руками он. – Не обучен! Я вам не какая-нибудь добрая старушка фея из сказки для младшего детсадовского возраста! Это она...

– Стоп! – резко прервала я его. – Лишнее говорите! – Он оскорблено замолк и собрался, было, вернуться в палату, но тут я опять очень жестко остановила его: – Я вас не отпускала! – а сама вслух невольно повторила: – Добрая старушка фея, говорите... А есть такая! – и повернувшись к Вадиму посмотрела на него чуть ли не с ненавистью: – Ты, что же, насчет Евдокии

Андреевны сам додуматься не мог! – и сцепила зубы, чтобы не выругаться грязно, матерно и уж совсем не по-женски, чтобы выплеснуть бушевавшие во мне эмоции.

– А ведь действительно о ней никто не подумал! – обалдело воскликнул обрадованный Вадим.

– Так! – сказала я, обращаясь уже к врачу. – Вы, как я поняла, здесь за главного, а вон тот, – я кивнула на второго мужчину, – что-то вроде вашего ассистента?

– Да! – растерянно подтвердил он, глядя на меня уже совершенно другими глазами.

– Он сможет внятно объяснить не врачу, что происходит с Георгием Дмитриевичем?

– Конечно, сможет! – уверенно заявил он и поманил из комнаты второго мужчину, помоложе.

– Уважаемый! – сказала я тому и одновременно начала писать записку. – Немедленно собирайтесь! Вы сейчас полетите на вертолете в деревню Слободка. Там живет известная травница Евдокия Андреевна. Вы самым подробным образом объясните ей, что происходит с Георгием Дмитриевичем, и она или даст вам травы и объяснит, как их принимать, или, что предпочтительнее, отправит с вами сюда свою ученицу Ксану. Ясно?

Мужчина кивнул и бегом бросился назад в палату, а Орлов кинулся к ведущей на второй этаж лестнице и, зовя Репниных, заорал так, что закачались и зазвенели подвески хрустальной люстры:

– Ать-Два! Тревога! На вылет! – и бегом бросился обратно к нам.

– Надеюсь, что от трав Георгию Дмитриевичу хуже не будет? – обратилась я, тем временем, к врачу.

– Безусловно! – определенно заявил он. – Хуже, чем есть, для него может быть только смерть и, если есть хоть малейший шанс, его нужно использовать.

– Я очень надеюсь, что Евдокия Андреевна ему поможет. Я точно знаю, что она и безнадежно больных людей буквально с того света... – начала говорить я, но тут раздался оглушительный грохот – эти близнецы слетали по лестнице, перескакивая сразу через несколько ступеней, а вслед за ними быстро спускалась Лидия Сергеевна.

– Что случилось? – спросили подскочившие к нам Саша с Лешей, а Печерская, почти подбежав, с ужасом глядя на меня, встревожено произнесла с дрожью в голосе:

– Георгий Дмитриевич... скончался?

– Да нет, Лидия Сергеевна! – вместо меня ответил ей Орлов. – Просто Елена Васильевна про какую-то Евдокию Андреевну вспомнила.

– Господи! – с огромным облегчением в голосе воскликнула Печерская. – Леночка! Вы опять нас спасаете! Как же никто из нас о ней не подумал-то! Она же просто чудеса творит! Бог даст, и сейчас еще не поздно к ней обратиться! – и, повернувшись к Орлову, утешающе сказала: – Не волнуйтесь, Владислав! Теперь все будет в порядке!

– Спасибо вам, Елена Васильевна! – чуть не со слезами на глазах сказал Орлов, повернувшись ко мне. – Какай же вы друг! Какой вы человек необыкновенный!

От такого взрыва эмоций я слегка обалдела и ничего не успела ответить, потому что в этот момент из палаты выскочил уже переодевшийся ассистент, я вручила ему записку, а близнецы подхватили его под руки и почти по воздуху поволокли к двери, а Орлов торопливо, почти бегом бросился за ними, приговаривая:

– Давай, родной! Давай! Время дорого!

– Лидия Сергеевна, – сказала я, когда они скрылись. – Я очень не люблю состояние, когда чего-то не понимаю. Оно меня здорово нервирует, что всегда паршиво, а сейчас и вовсе нам всем не на пользу. Поэтому ответьте мне, пожалуйста, что случилось с Орловым? Он ведет себя как-то неожиданно.

Вадим тут же почувствовал себя лишним и, сказав:

– Я, с вашего позволения, пойду к переговорам готовиться, – торопливо ушел

Когда мы остались с ней вдвоем, она вздохнула и сказала:

– Да я, Леночка, и сама ничего не понимаю. Знаю только, что он сначала, ну после того, как вас с нервным срывом в город увезли, очень сильно переживал. Потом он к вам на свадьбе подошел, и я видела, как вы изменились в лице. Когда мы все вместе из ресторана домой возвращались, я упрекнула его в том, что он свое слово офицера нарушил, и он стал таким потерянным, что... – она горестно покачала головой. – Мы сюда приехали и он сразу же к вашему другу Егорову пошел. И, знаете, после этого он совершенно успокоился. Дети говорили, что им только сказал: «Господи! Каким же я был слепым!».

– Интере-е-есно, – протянула я. – Что же такого Колька мог ему сказать?

Она в ответ пожала плечами, а потом, явно посомневавшись, все-таки сказала:

– Единственное, что я знаю от прислуги, это то, что разговор был весьма... Скажем так, бурным, с обильным применением ненормативной лексики и спиртного.

– Надеюсь, до драки дело не дошло? – поинтересовалась я.

– Не дошло, – подтвердила она.

– Ладно! – сказала я. – При случае поинтересуюсь у Егорова, что он ему наговорил, а сейчас пойду маму проведу, пока там Орлова нет.

Глава 3

Я вышла из дома и медленно побрела к гостевому домику, по дороге думая о том, приятно мне или неприятно то, что Влад успокоился, но так ничего и не поняла, потому что меня отвлек вид озабоченно спящих по усадьбе светловских бойцов. «Кузнецова», небось, уже и след простыл! – иронично хмыкнула я про себя и вдруг похолодела от непонятно откуда взявшейся мысли: – А, если нет? А, если он все еще здесь?».

– Где Светлов? – крикнула я парням.

– В домике охраны! – ответили они, и я со всех ног бросилась туда.

– Кирилл Владимирович! – задыхаясь от бега, сказала я, увидев его. – Командуйте отбой!

– Не понял! – он вытаращил на меня глаза.

– Сворачивайте обыск! – объяснила я. – Не надо никого искать!

– Почему? – он настороженно посмотрел на меня.

– Потому что! – решительно сказала я. – Это мой приказ и обсуждать его мы не будем!

– Я вынужден починиться, – немного помолчав, сказал он. – Но должен вам заметить, Елена Васильевна, что, поскольку никаких следов того, что этот человек покинул усадьбу, мы не нашли, я лично не исключаю возможности того, что он все еще здесь.

– Я тоже! И именно поэтому приказываю его больше не искать! Во-первых, он сделал доброе дело, предупредив нас, и поэтому, как оказалось, нам совсем не враг. А, во-вторых, пожалейте своих людей и дайте ему спокойно уйти, если он все еще здесь.

– Есть! – нехотя буркнул Светлов и, отозвав по радиации своих бойцов, обиженно сказал: – Вы недооцениваете подготовку моих людей, Елена Васильевна, что не удивительно – вы же не видели их в деле.

– Не видела! – согласилась я. – Но скажите мне, Кирилл Владимирович, кто-нибудь из них способен вот так сигануть через ограду? – Светлов недовольно поморщился. – Ясно! Не способен! А убить человека ударом пальца? – Тут он вытаращился на меня во все глаза и я покивала. – Да-да! Именно ударом пальца! А вот он прошлым летом убил! А теперь представьте себе, сколько ваших людей он положил бы или даже просто сделал на всю жизнь инвалидами, если бы они попытались его задержать.

– Да кто он такой – этот ваш супермен? – возмущенно воскликнул он, а потом иронично поинтересовался: – Может, действительно Бэтмен, как сказал Григорий?

– Да разве это сейчас так уж важно? – увильнула я от ответа, а он задумчиво покачал головой:

– А мне почему-то кажется, что вы его знаете, – и с бо-о-ольшим интересом заглянул мне в глаза.

– Нет! Я его не знаю, но, кажется, знаю, кто он, – туманно ответила я и вышла из домика охраны, чтобы позвонить Солдатову – мне в голову пришла одна идея, которую я собиралась немедленно претворить в жизнь.

– Семеныч! Ты где?

– В «Муравейнике»! – рывкнул он – видно, персоналу этого кафе приходилось сейчас, ох, как несладко!

– Переключись на секунду на меня, – попросила я. – Ты своих людей уже Коноваловым озадачил?

– Нет еще, – ответил он и, видимо, решив, что я сейчас буду ругаться, начал оправдываться: – Да не разорваться же мне!

– Это хорошо, что ты им еще ничего не говорил, – неожиданно для него обрадовалась я. – Тогда вот что! Когда будешь их инструктировать, скажи им, чтобы они в разговорах с людьми ненавязчиво... Понимаешь? Очень-очень ненавязчиво, а так, влегкую, впроброс позондирую-

вали почву на предмет того, не появлялся ли где-нибудь новый человек по имени Иван Иванович Кузнецов. Возраст, рост, особые приметы никакого значения не имеют. Только имя! Понял? И, если вдруг выяснится, что такой человек появился... Комнату у кого-то снял... В гости приехал... Ну, ты сам понимаешь... Ни в коем случае, – выделила я, – к нему и близко не подходить! Не следить за ним! Не разговаривать! Не пытаться познакомиться! А тут же! В любое время дня и ночи звонить мне и больше никаких шагов не предпринимать! Ясно?

– Ясно, сделаю, – явно ничего не понимая, озадаченно ответил Пончик. – А кто это такой?

– Так! – неопределенно ответила я. – Человек один, которого я хочу найти! По личным мотивам!

– По личным?! – воскликнул Солдатов, обалдев от того, что я в такой непростой ситуации еще и на какие-то личные мотивы отвлекаюсь, а потом, наверное, решив не углубляться в непонятные материи, когда и так дел навалом, пообещал: – Сделаем! И не бойся! Не спугнем!

Отключив телефон, я пошла дальше и тут увидела, как во двор въезжает мой служебный джип «Мицубиси», который тут же окружили светловские бойцы, и пошла на помощь Вячеславу и Сергею, которые привезли из санатория горничную Марину.

– Ну, что? – спросила я, подходя, у светловских бойцов. – Изловили супостатов?

– Елена Васильевна! – радостно заорали мои ребята, выскакивая из машины. – Скажите вы им, что мы свои, а то они Маринке на слово не верят.

– Это действительно мои люди, – подтвердила я и, увидев приближавшегося Светлова, попросила его: – Вооружите-ка вы их! А то, знаете ли, мало ли как дела могут повернуться!

– Сделаем, Елена Васильевна! По полной программе! – серьезно пообещал он, а мои ребята, услышав это, озадаченно переглянулись и Слава спросил:

– Елена Васильевна! Случилось чего?

– Случилось! – подтвердила я.

– Ясно! – жестко сказал он и, наклонившись ко мне, тихонько спросил: – Дело пахнет керосином?

– Не то слово, Слава! – вздохнула я и он, понятиливо кивнув, бывалым голосом заявил:

– Понял! Ничего, Елена Васильевна! Мы с вами и не в таких передрыгах бывали!

– Да уж! – усмехнувшись, согласилась я. – Вы у меня ребята лихие!

На это Сергей галантно заметил:

– Так у вас других и быть не может!

Я довольно рассмеялась, а потом сказала:

– Пообедайте, а потом мы с вами кое-куда съездим, – и пошла, было, к домику, но тут же обернулась и спросила: – Не поняла! Вы же о новой машине мечтали, а продолжаете все эту же, как вы ее назвали, колымагу гонять? – Сергей с Вячеславом тут же насупились и отвернулись друг от друга. – Ясно! – вздохнула я. – Никак не могли решить, какую именно выбрать?

– Да ну его! – буркнул Слава. – Я говорю, что «Range Rover» надо брать, а он мне все: «Lexus! Lexus!».

– Ну, что ж! – усмехнулась я. – Значит, будем ездить на этой. А что? Панфилов такой машиной не брезгует, вот и мне нечего выпендриваться! – и, наконец, пошла к маме.

Дверь гостевого домика, которая, как и все остальные двери, никогда раньше не запиралась, на этот раз была заперта и я, постучав, услышала испуганный мамин голос:

– Кто там?

– Это я, мама, – ответила я и, протиснувшись в приоткрытую на узкую щель дверь, увидела интеллигентнейшую Веру Николаевну со здоровущим поленом в руках, причем тот конец, за который она его держала, был аккуратно обернут белоснежным носовым платком. – О, господи! – простонала я и, не выдержав, расхохоталась, прислонившись к стене. – Вера Николаевна, голубушка, где вы это взяли?

– В каминной, – спокойно ответила она, аккуратно укладывая полено на тумбочку.

– Ну, зачем это вам? Ну, не смешите вы людей, ей-богу! Вы же слышали, что вся территория патрулируется вооруженной охраной с собаками? – она кивнула, и я предложила: – Ну, так забирайте ваш платочек, а я, когда буду в дом возвращаться, это полено с собой заберу.

– А нам так как-то спокойнее! – возразила мама.

– Ну, тогда ладно! – согласилась я. – Оставляйте при себе ваше средство самообороны! – и предложила, проходя на кухню: – А пока напоите меня чаем, что ли, и расскажите, как вы здесь живете.

– Дружно живем! – тут же отозвалась Вера Николаевна. – Помогаем Ниночке за Георгием Дмитриевичем ухаживать – а то она одна давно свалилась бы. Господи! – со слезами на глазах воскликнула она. – Несправедливо-то как! И Ирочку он нашел! И с Ниночкой у него все так хорошо складывается! Им бы теперь только жить да жить! А он...

– А с ним все будет в порядке! – уверенно заявила я. – Я Орлова с Репнинскими к одной очень хорошей травнице отправила, так что будет у нас с вами Остерин опять здоровый.

– Дай-то бог! Дай-то бог! – мелко закрестилась мама и, налив мне чай, пододвинула блюдо с пирожками. – А то Владенька весь испереживался так, что смотреть больно! Он же Георгия, как отца родного, любит! – и тут же перешла к своему, наболевшему: – А когда ты нам Гошеньку обратно отдашь? Ты же из санатория, как я поняла, совсем вернулась? – и начала подлизываться: – И какая ты у нас теперь посвежевшая! Похорошевшая!

– Ну, этот мой вид ненадолго, – невольно рассмеялась я. – А вернулась я, да, совсем, да вот только Игорек будет пока жить в дом с Галиной, потому что так для него безопаснее.

– Господи! – мама ахнула и всплеснула руками. – Да что же это такое творится на белом свете! Я ведь, откровенно говоря, там, в каминной, не очень-то поняла, что такого страшного произошло. Видела только, как ты там всеми командуешь и распоряжаешься.

– Зиночка! Елена Васильевна все правильно делала. Так и надо было! – солидно заявила Вера Николаевна. – Когда на корабле бунт – капитан стреляет первым.

– Ну, я предпочитаю не дожидаться бунта, а наносить упреждающий удар, – усмехнулась я, а моя мама, оправдываясь, сказала:

– Верочка! Да я же ее ни в чем и не упрекаю!

– Ниночка! Верочка! Зиночка! – рассмеялась я. – Как же я рада, мама, что у тебя теперь столько подруг появилось!

– Да, Леночка! Я же только теперь по-настоящему жить начинаю! – просияла она от счастья и попросила: – Вот нам бы еще Гошеньку сюда.

– Нет! – твердо заявила я и Вера Николаевна, внимательно посмотрев мне в глаза, спросила:

– Елена Васильевна! А вы не драматизируете ситуацию?

– Если бы! – вздохнула я и попросила – Вера Николаевна, как бы так бы нам с вами посекретничать?

– Так пойдете ко мне! – охотно предложила она, не подозревая, что говорить я с ней собираюсь на тему для нее очень болезненную.

– Вера Николаевна, – осторожно начала я, когда мы оказались в ее комнате – Я вам твердо обещаю, что этот разговор останется между нами, – она непонимающе посмотрела на меня, и я объяснила: – Я сегодня узнала, что ваша дочь была осуждена и, видимо, на большой срок. Я понимаю, что вам, конечно же, неприятно об этом говорить, но мне действительно нужно знать, за что ее посадили.

– Конечно, больно, – сказала она, отводя глаза куда-то вниз и в сторону. – Но, раз вам это надо, то я скажу. Сама-то я баратовская, а вот муж у меня из Казани. Мы с ним, когда в Москве учились, познакомились, а потом, поженившись, к нему на родину уехали. Только фамилию его я брать не стала, а свою оставила. Там-то у нас Юлдуз и родилась. Это значит «звезда», – объяснила она, – так любимую жену Батыя звали – муж-то у меня из Чингизидов. Я

преподавала французский и английский, а он – тюркские языки. А в 82-ом, как раз в весеннюю сессию, он у двух лоботрясов экзамен не принял. Они с горя напились, а потом подкараулили его и забили ногами до смерти – у него множественные разрывы внутренних органов были. И умер Хасен в больнице прямо на руках у Юлдуз, но перед смертью успел сказать ей, кто его убил. А Юлдуз... У нее, понимаете, характер... Вот она и решила, что сама этим подонкам отомстит, что эти мерзавцы права жить не имеют.

– Она их убила? – тихонько спросила я.

– Да! – твердо сказала она. – Она их поодиночке подловила и... Вот ее и приговорили к десяти годам, а она в отряд этот пошла... Добровольно, но с условием, что мне помогут в Баратов вернуться, и я буду знать, что она жива – официально-то она от крупозного воспаления легких в колонии умерла. А потом... – она вздохнула. – Потом Георгий Дмитриевич сообщил мне, что отряд погиб. А зачем вам это надо было знать? – запоздало поинтересовалась она, впервые подняв на меня глаза.

– Для того, чтобы представить себе, из кого комплектовался этот отряд, – потрясенная ее рассказом сказала я. – У меня, видите ли, появились некоторые сомнения в том, что они все погибли, и я хотела узнать, чего от них ждать можно. Хотя, я думаю, что Юлдуз связалась бы с вами, если бы осталась жива?

– А на чем основаны ваши сомнения? – заинтересованно спросила она, не ответив на мой вопрос.

– На интуиции, Вера Николаевна. А она меня еще никогда не подводила, – просто ответила я, внимательно глядя ей в глаза, но она выдержала мой взгляд, а потом горько усмехнулась:

– Значит, сейчас с ней это случилось впервые, – а потом сказала, как отрезала: – Юлдуз Хасеновны Джучиевой больше нет. И я вас очень прошу, Елена Васильевна, не делитесь своими сомнениями с Георгием Дмитриевичем – ведь вы можете поселить в его сердце несбыточную надежду на то, что Дмитрий жив. Он будет волноваться, переживать, а ему это вредно. Дай-то бог, чтобы он от этого-то приступа оправился, – и тут она, все-таки не выдержав этого разговора, отвернулась к окну.

– Извините, Вера Николаевна, что я заставила вас еще раз все это пережить, – покаянно сказала я.

А она в ответ на это горестно вздохнула, повернулась ко мне и даже постаралась улыбнуться:

– Да ничего, Елена Васильевна! Это боль старая, привычная! Пойдемте-ка назад, на кухню, а то Зиночка обидится на нас – вы только пришли и тут же сбежали.

– Пойдемте! – согласилась я, потому что узнала все, что мне было надо.

Вернувшись в кухню, мы увидели мою маму сидящей около окна, и только спицы у нее в руках мелькали.

– Что это будет? – спросила я, беря в руки непонятный бело-бежевый пушистый комочек, связанный явно из Васькиной шерсти.

– А варежки Гошеньке, – охотно ответила мама и только после этого я поняла, что держу в руках действительно крошечную варежку.

– Мама, весна же на дворе! – удивилась я.

– Готовь сани летом, а телегу зимой, – отговорила она и вдруг, радостно заулыбавшись, кивнула на окно: – Владенька возвращается.

– Где? – удивилась я и тоже посмотрела туда же и, ничего не увидев, сказала: – Это тебе, мама, показалось

– Ничего мне не показалось! – возмутилась она. – Да вон же! – она ткнула спицей в какую-то почти неразличимую точку на небе.

– Вы с ней, Елена Васильевна, не спорьте, – поддержала ее Вера Николаевна. – Раз Зиночка говорит, что Владислав возвращается, значит, так оно и есть.

– Ты, что, мама, целыми днями вот так сидишь у окна и Орлова высматриваешь? – удивилась я.

– А как же иначе? – удивилась она в ответ. – А уж Владеньке-то как приятно чувствовать, что его здесь ждут. Волнуются за него! Беспокоятся!

– Ну, тогда я побегу, мама! – засобиралась я, хватая с блюда пирожок, чтобы пожевать на ходу.

– Да ты не спеши! – остановила меня она. – Сядь и поешь нормально, с чаем! – и уверенно сказала: – Они же еще только через десять минут сядут.

– А ты откуда знаешь?

– Да, как же не знать то, что с родным человеком связано? – удивилась она.

– И все равно, мама, я побегу! У меня еще дела есть! – заторопилась я и, взяв еще несколько пирожков, быстро выскочила из домика.

Выйдя во двор, я медленно пошла в сторону дома, думая, что правильно сделала, отказавшись от Орлова, потому что из меня, мужика в юбке, никогда не получилась бы нормальная, заботливая жена, которая живет жизнью своего мужа, а вот Светлана будет именно такой. И будет мама с ней на пару дружно ждать его около окна, вязать варежки или носки и точно знать, когда он приземлится. «Ну, пусть хоть они будут счастливы! – тоскливо решила я. – Если уж мне самой не судьба!». Занятая этими мыслями я незаметно сжевала пирожки и, подойдя к дому, увидела, что от вертолетной площадки к нему уже бегут ассистент врача и прижимавшая к груди сумку Ксана. Завидев меня, она только махнула мне рукой и, крикнув:

– Потом поговорим! Хорошо? – пулей пролетела мимо меня и скрылась в доме.

Войдя туда почти вслед за ними, я направилась к комнате, где лежал Остерин, а вскоре там появились и Репнины с Орловым, чей взгляд горел яростной надеждой на чудо, потом подошел Вадим, которому я тихонько сказала:

– Надо бы гостинцев Евдокии Андреевне собрать – она ведь денег за свое лечение никогда не берет. Пусть соберут там побольше всякого вкусного и заранее в вертолет отнесут. А там уже кто-нибудь из Репниных сумку до дома дотащит.

Вадим кивнул и, остановив пробежавшую мимо горничную, тихонько распорядился, а она только согласно покивала головой и тут же направилась в сторону кухни. А мы, все пятеро, стали терпеливо ждать, когда выйдет Ксана или врачи, чтобы узнать, есть ли надежда на выздоровление Георгия Дмитриевича, а их все не было и не было. Орлов крутил в руках не зажженную сигарету – курить вблизи комнаты, где лежал такой тяжелый больной, он, как и мы все, не решался, но и отлучиться даже на несколько минут боялся, вот и маялся. Конечно, каждому из нас хотелось заглянуть внутрь, чтобы посмотреть, что там творится, но все стеснялись друг друга. А ожидание все затягивалось, а нервное напряжение все нарастало! Наконец, распахнулась дверь и из комнаты вышла побледневшая от усталости Ксана и, подойдя ко мне, сказала, обессилено вздохнув:

– Пойдем подымим!

– А Евдокия Андреевна ругаться не будет? – поняв, что все обошлось, усмехнулась я.

– Так, пока обратно вернусь, все уже и выветрится, – тут она повернулась к Вадиму и сказала, укоризненно качая головой: – Эх, вы! Что ж вы сразу-то за нами не послали?

– Извините, Ксения, – развел руками тот. – Не догадались как-то!

– Вечно Елена за всех вас все решать должна! – попрекнула его Ксана. – Вы что же думаете, если мы у черта на куличках живем, так ничего и не знаем? А! – она горестно махнула рукой. – У всех у вас, у мужиков мозги набекрень, вот и приходится нам, бабам, ваши огрехи исправлять! – и, посчитав, видимо, что достаточно отпела все мужское племя, взяла меня под руку и направилась было к выходу, когда счастливый от того, что все обошлось, Вадим, который нимало на нее не обиделся, радушно пригласил:

– Ксения, вы бы покушали перед дорогой, да и Елена с вами, а потом кофе попьете?

– Нет! – решительно помотала головой она. – Некогда! – а потом с сомнением сказала: – Вот если только кофе с сигаретой по-быстрому, да и то только для того, чтобы поболтать!

– Сейчас скажу, чтобы в библиотеку отнесли, – охотно согласился Вадим и ушел, а Ксана повернулась ко мне и с жадным любопытством попросила:

– Покажи сына, а?

– Пошли! – сказала я, беря ее под руку, но тут у нас на дороге оказался Орлов, который, требовательно глядя Ксане в глаза, хрипло спросил:

– Остерин точно будет жить? С ним точно ничего не случится?

– Да замучил ты меня уже совсем! – устало сказала Ксана и, повернувшись ко мне, объяснила: – Весь полет он меня терзал, смогу я Остерину помочь или нет, – и снова повернувшись к Орлову, сварливо сказала: – Ну, не бессмертный твой Остерин! Когда-нибудь да умрет! Но, если будет правильно и регулярно лекарство принимать, то с ним все будет в порядке, – и, не обращая на него больше никакого внимания, потянула меня вперед и мы с ней обошли его, как столб, но столб глупо и счастливо улыбающийся, а Ксана продолжала на ходу рассказывать. – Я его жене и врачам все объяснила: и как давать, и когда, и по сколько. Это очень сильное лекарство, его по каплям принимать надо. Я бы задержалась, чтобы проследить, да домой надо, – и она улыбнулась радостной и светлой улыбкой, – к бабушке.

– Как она там? – спросила я.

– Слабенькая она уже стала, устает быстро, – пожаловалась она и, улыбнувшись, негромко рассмеялась: – Но все рвется мне помогать! Да не в лечении – тут мне у нее еще учиться и учиться, а по хозяйству! То обед затеется готовить, то полы мыть! Ну, никак она отдыхать не хочет! – и уже серьезно сказала: – А народу-то все больше и больше приезжает! Купит кто-нибудь лекарство дорожее, а оно поддельным окажется, вот и не рискуют люди больше в аптеках что-нибудь брать. А травка-то наша – она же, если с ней умеючи обращаться, так и мертвого из гроба подымет. А больше новостей у нас никаких и нет. Сама-то ты как? – спросила она, на что я только махнула рукой и поморщилась.

Тем временем, мы подошли к комнате Галины и услышали из-за двери, как та голосом старшего из медведей нараспев обращается к Игорьку:

– Потя-потя-потягушеньки! Любо-любо-любноюпочки! Проснулся наш Игоречек! Ой, как мы зеваем-то сладко! А сейчас мы кушать будем!

Мы с Ксаной потихоньку вошли внутрь, где Галина уже приготовилась кормить Игорька, и Ксана, восхищенно уставившись на малыша, шепотом сказала:

– Красивый-то какой! А глазищи какие голубые! На отца похож, да? – Я кивнула. – А где сам папаша-то?

– Так это ты с ним в коридоре разговаривала, – удивилась я. – Неужели тебе никто не сказал, что это мой бывший муж?

– Это как же ты все так быстро обтяпать умудрилась? – оторопела Ксана. – И замуж выйти, и ребеночка родить, и развестись! Прямо метеор, а не женщина!

– А! Дурное дело нехитрое! – отмахнулась я.

Понятливо кивнув, Ксана снова с восхищением уставилась на Игорька, а потом, переведя взгляд на Галину, настороженно спросила ее:

– А чего это у тебя «волына» в кармане передника?

Галина и Ксана, обе знавшие о зоне не понаслышке, мерили друг друга оценивающими взглядами, а я объяснила:

– Так надо, Ксана! К сожалению! – а Галине сказала: – С сына глаз не спускай!

– Ты бы мне, матушка, это напоминание еще на стене написала! А то вдруг забуду? – обиженно буркнула она.

– А что у вас тут случилось? – удивленно спросила Ксана, когда мы вышли в коридор.

– Не обращай внимания! – небрежно сказала я. – Так! Кое-какие проблемы нарисовались! Пошли лучше в библиотеку, посидим, покурим, кофе попьем.

Когда мы там устроились, Ксана спросила:

– Так что у тебя с мужем-то не заладилось? Мужик вроде видный, даже красивый и при настоящем мужском деле. Расскажи! Может, помогу чем!

– Да, расскажу! Расскажу! Только рассказ это невеселый! – поморщилась я и начала: – Помнишь, как мы с тобой летом встретились? Там еще твоя подруга цыганка Певунья с дочкой была?

– Помню, конечно, – кивнула она.

– А ты помнишь, как она мне сказала, что я, пойдя наперекор своей судьбе, совершила ошибку, за которую она – судьба, в смысле – мне будет мстить? – Ксана снова кивнула и я объяснила: – Вот я теперь и хлебаю полной ложкой.

– Ничего не поняла! – Ксана помотала головой и потребовала: – Давай все с самого начала!

– Хорошо! – согласилась я и, закурив, начала рассказывать. – Бабушка Певуньи мне еще в июне совершенно точно предсказала встречу с Орловым. Ну, я его и встретила. Мы с ним малость полямурничали и тут он меня замуж позвал. А я ему тогда отказала, потому что считала, что Игоря – это человек, которого я очень любила, а он трагически погиб – мне никто и никогда заменить не сможет. Орлов взбесился и уехал к себе в полк. А там, как я позже узнала, была одна медсестра Светлана, до смерти в него влюбленная. Тут он, наконец-то, оценил ее верность и преданность, и они стали жить вместе. А потом выяснилось, что у меня будет ребенок, и Панфилов за моей спиной ему об этом сообщил, а Влад – Орлова Владиславом зовут, – пояснила я, – вылепил все это Светлане, потому что не хотел, видите ли, начинать их совместную жизнь с обмана, – ехидно сказала я.

– Кретин! – скривившись, бросила Ксана.

– Целиком и полностью разделяю мнение предыдущего оратора по поводу умственных способностей Орлова, – согласилась я. – Да только, как выяснилось, Светлана оказалась тоже не ума палата. И эта дура из самых благих и благородных побуждений, решила освободить его для, – я иронично хмыкнула, – любимой женщины, то есть меня. Вот и убыла в неизвестном направлении и просила ее не искать. Как тебе?

– Скопище идиотов! – возмутилась она.

– И на это я не могу ничего возразить! – поддержала ее я. – Потом Орлова во время пожара крепенько обо что-то позвоночником приложило, и он загремел в госпиталь, а меня, беременную, отправили через полстраны к нему, чтобы зарегистрировать наш брак и Игорек имел законного отца. Приехала это я туда и тут же выяснила, что Влад меня лютой ненавистью ненавидит, потому что считает, что это из-за меня с сыном, а не из-за его длинного языка и идиотского благородства, его разлюбезная Светлана уехала. И отношения у нас с ним более-менее наладились только после того, как я ему твердо пообещала, что после рождения сына с ним тут же разведусь, и он сможет жениться на своей ненаглядной Светлане, которую, как я тогда наивно полагала, смогут быстренько отыскать. Поскандалили мы с ним тогда крупно и, счастье великое, что случилось это в госпитале, в Москве, потому что скандал этот закончился для меня спазмом сосудов, так что кесарили меня досрочно, чтобы в случае чего, хоть ребенок жив остался. Вот так мой Игорек и родился.

– Ты его так в память о том своем Игоре назвала? – все правильно поняв, спросила Ксана.

– Да! – кивнула я и продолжала рассказывать. – Назад в авиацию Орлову был ход закрыт, ехать ему было некуда – он детдомовский, вот он отправился с нами сюда в Баратов. К сыну привязался, к матери моей, вообще, как к родной, относится, а она на него просто не надышится. Все «сыночка» да «Владенька»! А потом он умудрился что-то такое во мне разглядеть и влюбился, о чем мне и сообщил. Да так, что я с нервным срывом потом в санаторий загре-

мела. Правда, к тому времени нас с ним уже развели... Кстати, хорошо, что об этом разговор зашел, потому что мне в паспорт штамп поставить надо.

– Он в тебя влюбился? – потрясенно спросила Ксана. – А Светлана?

– А Светлану он тоже любит! – вздохнула я. – Короче, запутался он в двух бабах. Но мы дружно наставили его путь истинный и теперь лично я мечтаю только об одном: чтобы эту Светлану побыстрее нашли и сдам я ей тогда Орлова, как переходящее красное знамя, с рук на руки.

– Лена! А ведь ты его любишь! – задумчиво глядя на меня, сказала Ксана.

– Нет! – твердо заявила я, на что она покачала головой и уверенно заявила:

– Врешь! Мне. Себе. Орлову. Всем врешь! Только зачем? Почему?

– Хорошо, Ксана! Объясняю! Представь себе на минутку, что я Орлову ничего не пообещала. Ни того, что его Светлану найдут. Ни того, что я с ним разведусь. Он бы тогда в меня влюбился? – Она пожала плечами. – Вот то-то и оно-то, что продолжал бы ненавидеть. Пойми, Ксана, я ему слово дала, что ее найдут, и он на ней женится! А я свое слова еще никогда не нарушала, потому что это подло! А я на подлость не способна! Да и не уверена я, что у нас с Орловым получилось бы что-то путное. Скорее я уверена в обратном, что мы с ним очень быстро разбежались бы в разные стороны, причем, врагами. Вот так-то Ксана! Так что не суждено мне, видать, счастливой быть! – вздохнула я. – Не судьба мне, понимаешь? Не судьба!

– Эх, Ленка! – горестно воскликнула она. – Будь на твоём месте другая женщина...

– Будь на моем месте нормальная женщина, – поправила я ее. – А я, если ты еще сама не поняла, то объясняю, мужик в юбке. Я моральный урод, Ксана! Моя жизнь противоестественным отцовским, будь он проклят, воспитанием изуродована. Он из меня сделал не женщину, а чудовище, для которого главное: не потерять лицо, не показать свою слабость, всегда добиваться своего, никогда не сворачивать с избранного пути, быть лидером, уметь держать удар, отстаивать свои принципы и, что важнее, всегда следовать им... Ты думаешь, я сама от своего характера не страдаю? Еще как! Да только поделаться с собой ничего не могу! Бывает, в голос рыдаю и себя проклиная, когда меня никто не видит и не слышит, а потом опять надеваю на себя маску железного дровосека и иду по жизни дальше. Так что никто мне ничем не поможет! И Галя-Певунья, и ее бабушка были абсолютно правы: я действительно пошла наперекор своей судьбе и она мне за это мстит, да вот только никак успокоиться не может! Вот и все дела!

– Слушай! – Ксана подошла ко мне, присела рядом, сочувственно обняла за плечи, и предложила: – А, может, тебе к Певунье съездить? Пусть посмотрит, что за ерунда с тобой творится. Она не так давно дочку свою к нам привозила. Повидались мы с ней, поболтали. Бабушка-то ее умерла уже, так что теперь она вместо нее в таборе главная предсказательница. Съезди, а?

– Спасибо, Ксана! Только никуда я не поеду, – решительно заявила я. – Раз человеку не дано свое будущее знать, то и пытаться заглянуть туда не следует – ничего хорошего из этого не выходит. Так что, как пойдет, так и пойдет!

– Ну, смотри! – покачала головой она. – Я-то ей все равно позвоню и предупрежу на всякий случай, а там – как знаешь!

– Да не поеду я к ней! – отмахнулась я, и тут мне в голову пришла очень хорошая мысль, что и цыгане, и сама Певунья мне очень даже смогут помочь, и я воскликнула: – погоди! звони ей и предупреждай прямо сейчас, что я к ней сегодня же вечером обязательно приеду. Но не гадать или будущее узнавать, а по делу. По очень важному делу! – и протянула ей телефон.

– Как скажешь! – согласилась она и быстро переговорила со своей подругой.

– Кстати, как ее отца зовут? – спохватилась я. – А то я прошлым летом быть-то у них была, а вот этого узнать не удосужилась.

– Диметр Романович, – сказала она, поднимаясь. – Ну, ладно! Спасибо за хлеб-соль! Пора мне!

– Тебе спасибо, Ксана! – я тоже поднялась вслед за ней. – Пошли! До вертолета тебя провожу! Кстати, тебе там сумку с гостинцами для Евдокии Андреевны собрали, так что попируйте за здоровье Георгия Дмитриевича.

– Спасибо! – не стала отказываться она. – У нас ведь в деревне, даже имея деньги, не все купишь, а в город ездить – времени нет. Вот уж побалую я бабушку вкусеньким!

Когда мы с ней медленно брели к вертолетной площадке, она, явно после долгих сомнений и колебаний, все-таки не выдержала и заговорщицки мне сказала:

– А знаешь, что мне Певунья нагадала?

– И что же? – с любопытством спросила я.

– Что через семь лет я выйду замуж за очень-очень хорошего человека, что жить я перееду в Баратов и что у меня будет двое детей: мальчик и девочка.

– Ну и что в этом особенного? – удивилась я.

– А то, что он ко мне на большом корабле приплывет, – объяснила она.

– Ксана! Очнись! – воскликнула я. – В сказку про алые паруса уже не верят даже девочки младшего детсадовского возраста. Тем более, что Ассоль хоть на побережье жила, а в вашей Слободке речка – воробью по колено, ее даже в паводок вброд перейти можно. Откуда там большой корабль возьмется?

– Не знаю, но раз Певунья так сказала, то так оно и будет! Тебе-то она все правильно сказала? Правильно! Вот и у меня все сбудется! – стояла на своем Ксана.

– Ладно! – сказала я, сдаваясь. – Чем черт не шутит, пока бог спит! – и, переводя разговор на реальную почву, спросила:

– Скажи, когда с Георгием Дмитриевичем поговорить можно будет? Мне у него одну очень важную вещь узнать надо.

– Да хоть завтра! – уверенно ответила она. – Вставать и ходить ему еще нельзя, а поговорить – запросто!

– Да я боюсь, что он разволнуется, – покусывая губу, объяснила я. – Тема уж больно такая... Неприятная для него тема!

– Неприятная? – переспросила она. – Ну, тогда погоди хоть денечек. А как лекарство себя в полную силу оказывать начет, так его и оглоблей не прошибешь! И разговаривай тогда с ним, о чем хочешь! Спокойным он будет, как слон! Это я тебе точно говорю!

Вертолет поднялся в воздух, а я стояла, смотрела ему вслед и думала, что Матвей тоже не догадался обратиться к Евдокии Андреевне, когда я заболела, да я и сама о ней в тот момент не вспомнила. А вот, когда дело коснулось другого человека, я тут же сообразила, кто нам помочь может. «Да-а-а!» – удовлетворенно подумала я. – Может, я, конечно, и мужик в юбке, но что не дура – это уж точно!».

Первая, кого я встретила в доме, была горничная Марина, которая явно меня дожидалась.

– Елена Васильевна! – затараторила она. – Вы ничего не думайте! Мне Тамарка уже сказала, что сделать надо, и мы все, конечно же, сделаем! Мы же понимаем, что вы это не в обиду людям, а потому, что дело того требует.

– Вот и хорошо, что понимаете, – на ходу бросила я, и собралась идти дальше, но тут увидела, что она очень хочет меня о чем-то спросить, но не решается. – Ну, чего мнешься? Говори, что там у тебя стряслось?

– Елена Васильевна, – робко начала она, старательно глядя в сторону. – А Слава женат?

– Что? Понравился? – с трудом сдерживая улыбку, спросила я.

– Да! И давно уже! Только познакомиться все никак не получалось, – тихо ответила она. – Он такой... – она замаялась, не зная, как сказать, но я поняла ее.

– Надежный! Он очень надежный, Марина! А для мужика это главное! – и, невольно рассмеявшись, успокоила ее: – Вячеслав не женат, так что можешь начинать охмурять. Но! Если ты вздумаешь ему нервы трепать да всякие фокусы выкидывать, то смотри у меня! – не шутя, пригрозила я. – Он мне нужен нормальным и психически устойчивым.

– Ну, вы скажете тоже, Елена Васильевна! – вспыхнула от радости она. – Неужели я на такую похожа? Я девушка серьезная!

– Иди работай, девушка серьезная! – смеясь, отправила я ее. – У тебя дел навалом, да и у меня, – я вздохнула, – не меньше! Ты проследи, чтобы моих ребят покормили!

– А они уже покушали! – с готовностью отозвалась она.

– Ну, тогда пусть к машине идут – скоро поедем.

Счастливая Марина побежала по своим делам, а я пошла наверх к Вадиму, которого нашла в кабинете.

– Дай мне фотографию Светланы, – спросила я его.

– У меня здесь нет, а в «техцентре» есть. У Наты с Татой с какого-то праздника групповая нашлась. Потом ее одну выделили, вот и получилась. А что?

– А то, что я сегодня буду у цыган, вот и попрошу Певунью найти ее, скажем так, нетрадиционным способом, – объяснила я и отправилась в «техцентр».

– Гришенька! Николай! – сказала я, входя туда. – Вам Вадим Родионович давал групповую фотографию, с которой нужно было выделить одну девушку. Кто этим занимался?

– Я! – тут же откликнулся Егоров.

– Ну, так распечатай мне ее, – попросила я.

– Легко! – отозвался он по примеру Григория, который из любопытства тут же подскочил к нам и уставился на экран, ожидая картинки, и, когда она появилась, восхищенно воскликнул:

– Какая красивая!

– Чем? – тут же спросила я.

– Не знаю! – все так же восхищенно сказала он, не отрывая глаз от экрана. – Но красивая! У нее!.. У нее в глазах душа светится! Кто она? – он повернулся ко мне.

– Будущая жена моего бывшего мужа, – бестрепетно ответила я. – Так что не питай никаких иллюзий, ребенок!

– Так он же ее вдвое старше! – воскликнул Григорий. – Вы же про Орлова говорите?

– Про него самого! А любовь, как известно, зла! – назидательно сказала я и, получив фотографию, ушла.

Я медленно брела на стоянку и по дороге внимательно рассматривала снимок Светланы, чей смутный образ и безутешный плач преследовали меня столько времени.

– Красивая? Да нет, красавицей я бы тебя не назвала! Скорее, хорошенькая, как и все в молодости – на то она и молодость! Просто светится твое лицо радостью и предвкушением счастья, а глаза сияют, потому что ты смотришь, наверняка, на своего обожаемого Орлова! Ну, и дай вам бог всем счастья! – решительно заключила я и убрала ее снимок в папку вместе с фотографиями Лоринга, Коновалова и краткой справкой о последнем.

И тут открывшаяся моему взору картина ошеломила меня настолько, что у меня невольно вырвалось:

– Мать-мать-мать-мать! Это еще что? – я кивнула Светлову на два машины вооруженной охраны, которые собирались, как я поняла, выехать вместе со мной.

– Надо, Елена Васильевна! – серьезно сказал он, отрываясь от инструктажа моих ребят. – Вы же сейчас за всех в одном лице и, случись что с вами, руководить будет некому. Да и о сыне своем вам подумать не мешает! Мальчишки мои дорогу проверили и посты кое-где, в самых уязвимых местах, я расставил, но!.. Война у нас, Елена Васильевна! Понимать же надо! Вот поэтому и ехать вы будете на всякий случай не в своем джипе, а в машине охраны. Береженого, Елена Васильевна, и бог бережет!

– Ну, если вы действительно считаете, что так надо... – начало, было, я.

– Надо! – жестко ответил Светлов. – Здравое оценив ситуацию, я не исключаю, что будет предпринята попытка вашего физического устранения.

И тут сзади меня раздалось негромкое покашливание. Я повернулась и, увидев Орлова и Репниных, их серьезные, сосредоточенные и решительные лица, удивленно спросила:

– Господи! Что еще случилось?

– Разрешите обратиться? – официальным тоном спросил Влад.

– Обращайтесь! – разрешила я.

– Елена Васильевна! – начал он. – Мы все трое просим вас дать нам нормальное, настоящее дело. Все заняты работой, а мы, три здоровых лба, болтаемся, как черте что в проруби. Поэтому мы настоятельно просим вас использовать нас с максимально возможной эффективностью так, как вы сочтете целесообразным.

– Ну и как же вы предлагаете мне вас использовать? – тоскливо спросила я, одновременно быстренько шевеля мозгами на предмет того, чем бы мне их занять, чтобы они от великого усердия не вздумали самодеятельностью заняться. – Навыками оперативной работы вы не владеете, квалификации охранников тоже не имеете. Вы же умеете только водить самолеты и вертолеты. Так что задание вам будет одно – вертолет должен быть готов к вылету в любую секунду и на максимально большее расстояние, потому что ситуация может того потребовать. Так что вам, Владислав Николаевич, надлежит переговорить с Вадимом Родионовичем и выяснить, где вы сможете в случае необходимости дозаправиться, где вы сможете совершить посадку, и решить все прочие технические вопросы, в которых я не сильна.

– Есть! – четко ответил Орлов. – Разрешите идти?

– Свободны! – кивнула я.

Дружно сделав «Кругом», они направились к дому, а я, немного обалдев от какого официоза, повернулась к Светлову и, возвращаясь к нашему, прерванному их приходом разговору, спросила:

– Значит, вы не исключаете того, что меня могут попытаться убить?

– Да! – предельно серьезно ответил он и я вздохнула:

– Значит, будем спасаться и поедем в машине охраны. Ну что? – повернулась я к ребятам. – Запрягите, хлопцы, коней! Для начала заедем в офис, а потом – в областную управу!

Быстро забрав мой новый сотовый, мы поехали в областное управление милиции, возле которой моя охрана разыграла такие китайские церемонии по обеспечению моей безопасности, что я, если бы смотрела на это со стороны, умерла бы от смеха. В конце концов, я, сопровождаемая почетным эскортом, вошла внутрь и, подойдя к дежурному прапорщику, протянула паспорт.

– Моя фамилия Орлова. Мне нужно к Валентину Михайловичу, мы договорились о встрече, – кратко сообщила я, ожидая, что сейчас начнется волокита с пропуском, но тут, откуда ни возьмись, появился радушно улыбающийся полковник.

– Какой пропуск?! – возмущенно воскликнул он. – Зачем?! Товарищ генерал вас уже ждет! Он специально послал меня встретить вас и проводить к нему. Прошу! – он показал в сторону лестницы и, когда мы поднимались, бережно и почтительно поддерживал меня под локоток.

«Да-а-а! – мысленно хмыкнула я, глянув на часы – было уже начало пятого. – Я обещала приехать после трех, значит, это и Самсонов сидит здесь с трех часов, а этот полковник, вообще, в вестибюле все это время дежурил. Ох, надо поскорее привыкать к своему новому положению, а то я со своими былыми замашками только скомпрометирую нашу фирму».

– Здравствуйте, Елена Васильевна! – Самсонов, которого дежурный прапорщик, вероятно, предупредил по телефону, что я поднимаюсь, встретил меня в выходящих в коридор дверях своей приемной и тут же тоже уцепил под локоток – словно эстафету принял. – Ждем-

ждем! Нечасто к нам такие гости жалуют! Прощу! – он пропустил меня вперед в приемную, где уже стояла навтыжку, демонстрирую всем своим видом крайнюю степень радушия секретарша (он и ее умудрился на работу вызвать), которая, судя по ее матерому виду, пережила на своем посту не одну смену властей, партий, направлений и отклонений от генеральной линии. – Чай или кофе? – спросил он.

– Если не трудно, кофе, пожалуйста! – ответила я, глядя на секретаршу, и та тут же, заулыбавшись, заверила меня:

– Сию секунду будет!

«Да она, видать, волшебница, если собирается за одну секунду приготовить приличный кофе» – мысленно хмыкнула я, входя в предупредительно распахнутые двери кабинета, где Самсонов заботливо помог мне сесть в кресло.

– А, может, коньячку под кофе? – заговорщицки шепнул он мне, и я, не выдержав, улыбнулась.

– Не откажусь!

– Вот и славно! – обрадовался он и вытащил из бара поднос, на котором уже стояла бутылка «Мартеля», хрустальные фужеры, блюдо с нарезанным лимоном и ваза с персиками и виноградом – прием по высшему классу! – Ну, давайте за знакомство! – предложил он. – Я, правда, подходил к вам на банкете по случаю бракосочетания Павла Андреевича и Ирины Георгиевны, но вы...

– Ах, Валентин Михайлович! – вздохнула я. – Там ко мне подходило познакомиться столько людей, что в глазах был настоящий калейдоскоп, и я, извините, даже в тот же день через пять минут никого бы не узнала. Так что, давайте действительно за знакомство!

Коньяк был отменный, о чем я Самсонову и сообщила, а он на это только чуть смущенно развел руками – стараемся, мол.

– Извините, Валентин Михайлович, что беспокою вас в выходной, но...

– Ну что вы, Елена Васильевна! – заворковал он. – Мне так приятно поговорить с коллегой.

– Не преувеличивайте, генерал! – скромно запротестовала я. – Я ведь всего лишь капитаном ушла...

– Зато теперь-то у вас и должность, и звание повыше моего будут, – ласковым голосом возразил он.

– Да и проблемы и поважнее, и покрупнее, – вздохнула я.

Появившаяся с кофе секретарша сноровисто накрыла на стол и испарилась, а Валентин Михайлович, когда за ней закрылась дверь, спросил:

– Чем же я могу быть вам полезен, Елена Васильевна? Хотя... Какие могут быть проблемы у молодой, красивой и успешной бизнес-леди! Вероятно, это как-то связано с вашей работой?

– Спасибо за комплимент! – улыбнулась я. – И вы правы: проблема эта связана с деятельностью нашей фирмы. Дело в том, нам нужно срочно, очень срочно, найти в Баратове одного человека, который совсем не стремится с нами встретиться. Более того, он будет этого всячески избегать. Я бы не стала вас беспокоить, если бы не сроки.

– Найдем! – сразу став серьезным, авторитетно заявил Самсонов. – Кто это?

– Вот! – я протянула ему фотографию Коновалова и справку о нем. – Как я успела узнать, он то ли перекрасился в светлый цвет, то ли парик одел, да и усы к тому же нацепил, чтобы родинку скрыть. Так что выглядеть он может, как угодно. Этот человек нужен мне срочно, – повторила я, – и нашедший его получит десять тысяч долларов, благодарность Павла Андреевича и... – я немного помедлила, и Самсонов вскинул на меня заинтересованный взгляд, – помощь от него. В случае необходимости.

Судя по часам, для Валентина Михайловича эти деньги погоды не делали, но вот помощь Матвея!.. Я с интересом наблюдала и практически слышала, как у него в голове тасовались мысли: «До отставки два года, а что потом? А вот, если я сейчас помогу Матвею, то он, если я за оставшееся время ничего не напортачу, вполне может взять меня к себе на одно из предприятий начальником службы безопасности, а это и деньги, и положение!». В общем-то, я, делая ему такой намек, ничем не рисковала – Матвей никогда в жизни не пригласил бы на свою свадьбу неприятного лично ему или враждебно настроенного к Семье человека.

– Елена Васильевна! – с мягкой отеческой заботливостью сказал Валентин Михайлович. – Не беспокойтесь больше ни о чем! Я сейчас распорядюсь вызвать на работу, кого надо, и еще до конца дня физиономия этого господина не только будет красоваться на всех досках объявлений возле райотделов, но в руках у каждого участкового будет. А в вечерних новостях мы дадим отдельное сообщение и будем повторять его в каждом выпуске до тех пор, пока этого негодяя не найдут. И, как только у меня появятся новости, я с вами тут же свяжусь. А вы, если вдруг захотите что-то добавить или уточнить, звоните мне в любое время суток, – и он протянул мне свою визитную карточку.

– Вот и хорошо! – улыбнулась я, убирая ее в сумку и доставая свою новую визитку, на которой написала еще и номер своего личного сотового, которого там, естественно не было – ведь подразумевалось, что я буду пользоваться новым, служебным, который и был там напечатан, а не своим «родным», и протянула ему. – Я искренне рада, что у нас с вами получается такое плодотворное сотрудничество. Звоните мне на сотовые, потому что по всем другим я в ближайшее время буду недоступна, – и, поднимаясь, сказала: – Ну, что ж! Спасибо за кофе – он был великолепен, а уж коньяк, вообще, выше всяких похвал!

– Так, может, на дорожку? – тут же предложил Самсонов, но я отказалась:

– Дела, Валентин Михайлович! Дела! – и напомнила: – Так я жду от вас новостей!

– Конечно-конечно! – заворковал он, опять подхватывая меня под локоток и сдавая в приемной с рук на руки ожидавшему меня там полковнику. – Как только – так сразу!

Внизу моя охрана опять разыграла комедию по моему перемещению из подъезда уже в другую машину охраны и я, усевшись, скомандовала:

– В Цыганскую слободу! – и машины сорвались с места.

– А потом куда, Елена Васильевна? – спросил меня сидевший на переднем сидении охранник.

– Потом заедем ко мне домой за вещами, а ночевать я буду в усадьбе, – ответила я, а сама подумала, что с гораздо большим удовольствием я переночевала бы в своей квартире, но в этом случае, я ни секунды в этом не сомневалась, ребятам придется всю ночь дежурить у меня под окнами в машинах и на лестничной площадке, а я вовсе не собиралась осложнять им жизнь.

На скамейке автобусной остановки на въезде в слободу, как и почти год назад, сидели два цыгана, и один из них при виде машин тут же достал сотовый и начал кому-то названивать.

– О, господи! – не выдержав, вздохнула я, предчувствуя, что меня и здесь вместо обычного делового визита ждет целое светопреставление. – Если они запоют: «К нам приехала! К нам приехала!», то я и не знаю, что делать!

– А выпить шампанское, которое вам поднесут, и потом деньги на поднос положить, – тут же авторитетно заявил тот же охранник – за старшего он у них, что ли?

– Ты-то откуда это знаешь? – удивилась я.

– В кино видел! – охотно отозвался он, на что я иронично хмыкнула:

– Да уж! Заслуживающий всяческого доверия источник информации.

Тем временем, мы уже ехали по улице слободы и я, работая за штурмана, давала указания, куда сворачивать, чтобы попасть к дому Прохоровых, около калитки которого я, как и предполагала, увидела целую толпу, явно ожидавшую меня.

– Милости просим, Елена Васильевна! – радушно пригласил меня седобородый старик, которого, как я теперь знала, звали Диметр Романович (Слава богу! Обошлось без шампанского!), а все остальные, включая и его дочь Галину-Певунью, улыбаясь, приветливо кивали и даже кланялись. – Ждем вас! Как Ксана позвонила, что вы к нам собираетесь, с тех самых пор и ждем! Прошу! – распахивая передо мной калитку, пригласил он.

– У вас там вроде собака была, – напомнила я.

– Не бойтесь, Елена Васильевна! – успокоил он меня. – Она привязана! Да и не тронет никого, коль не прикажут.

Сидевший возле своей будки жутких размеров пес при виде нас вскочил и яростно завилял хвостом. Ну, это он не мне, а хозяину, успокоила себя я – еще не хватало думать, что уже и малознакомые собаки мне свое почтение выказывают.

– Прошу к столу! – сказал Диметр Романович, едва мы вошли в дом.

– Вообще-то, я по делу, – попыталась запротестовать я, но он даже слушать не стал:

– Обидеть нас хотите? – с напускной серьезностью спросил он. – Мы готовились! Дочка свои пироги фирменные испекла: с бараниной и петрушкой, а вы? А о делах и потом поговорить можно! Не убегут дела-то!

– Ой, убегут, Диметр Романович! – вроде бы шутливо сказала я.

– А мы их догоним! – рассмеялся он. – Чтобы от цыган да кто-то убежать смог? Да не было такого никогда! И впредь не будет!

Стол ломился! Какие там, у черту, пироги! Там было столько и всего, словно они ждали в гости не одну меня, а соседний цыганский табор.

– И служивых ваших покормим! – заверил меня старик и, разлив теперь уже действительно шампанское, предложил: – Ну, за должность вашу новую, Елена Васильевна! Чтобы работалось вам на ней долго и счастливо!

Потом мы пили за здоровье Павла Андреевича, Владимира Ивановича и мое собственное, да все это под невероятно вкусную закуску. Почувствовав, что начинаю понемногу осоловеть, я отвалилась от стола и, закулив, напомнила, что приехала все-таки по делу, справедливо опасаясь, что очень скоро цыгане разгуляются напропалую и действительно перейдут к песням и пляскам.

– Ох, Елена Васильевна! – вздохнул старик. – Знали бы вы, сколько добра для нас Павел Андреевич сделал! Поняли бы тогда, как мы рады, что помочь ему хоть чем-то можем! Что же за дело вас к нам привело такое срочное, что вам и праздник не в праздник?

– Плохое дело, – коротко ответила я и Диметр, сразу посуровев, единым только взглядом выслал всех из комнаты, где остались только мы с ним да Певунья с мужем.

– Говорите, Елена Васильевна! – серьезно сказал он. – Мы для Матвея хоть луну с неба достанем!

– За луну лазить не придется, – успокоила я его. – А вот одного подлеца в Баратове найти надо. Ваши люди всюду бывают, все видят и все слышат, им и карты в руки. Он ото всех скрывается, может, конечно, и внешность изменить, но вы уж постарайтесь! Десять тысяч долларов тому, кто его найдет, – и я, достав из сумки портрет Коновалова, протянула ему.

– Деньги у цыган лишними никогда не бывают, – сказал Диметр, беря портрет, но едва он взглянул на него, как подскочил на месте и из его горла вырвался какой-то утробный, звериный рык.

– Я смотрю, вы с ним знакомы? – осторожно спросила я, внимательно глядя на него, причем мое немного отупелое от обильной трапезы состояние тут же улетучилось.

Но Диметр ничего мне не ответил и продолжал смотреть на портрет, а лицо его было искажено гримасой такой неистовой ненависти, что даже мне стало не по себе.

– В Баратове он, говорите? – спросил он, наконец. – Ох, и праздник вы мне сегодня устроили, Елена Васильевна! Великий праздник у меня сегодня! Да я сам вдвое больше готов отдать, чтобы только этого мерзавца перед собой увидеть!

– Встречались вы с ним, значит, – уверенно сказала я.

– Ох, встречались мы, Елена Васильевна! – продолжая неотрывно смотреть на портрет, прорычал старик. – Он брата моего защищал! Много денег мы ему тогда заплатили! Сколько сказал, столько и дали! А потом он еще денег попросил, говорил, что для судьбы. Да вот только, когда на суде мать моя, покойница, царствие ей небесное! – Диметр размашисто перекрестился и, все больше и больше распаляясь, продолжал: – На судью того поглядела, так тут же и сказала, что тот этих денег и в глаза не видел. И дали моему брату срок немереный! И заразился мой брат в колонии туберкулезом! И помер брат мой родной! – уже почти кричал он. – Я еще сразу же после суда хотел с этой мразью посчитаться! Несмотря на то, что у него крутые уголовники в лучших друзьях ходили! Да вот только мать моя сказала, чтобы отступился я до поры, что наступит мой день, и пересекутся наши с ним дорожки, и отомщу я ему за брата! Вот этот день и настал!

– Успокойтесь, Диметр Романович! – попросила я. – Давайте сядем и спокойно поговорим. Уголовники теперь за Коноваловым не стоят. За ним теперь, вообще, никто не стоит. Да вот беда в том, что он нам живым нужен. Слышите меня, Диметр Романович? – уже громче сказала я. – Он нам нужен живым!

– Живым, говорите? – переспросил меня старик и, словно очнувшись, твердо пообещал: – Хорошо! Я найду его, во что бы то ни стало, и отдам вам живым! А сейчас, – он кивком показал зятю на дверь, – мы вас оставим ненадолго – надо людям сказать, что враг наш общий объявился. Вы не волнуйтесь, Елена Васильевна, его с завтрашнего дня все от мала до велика, и дети, и старики искать будут и в городе, и в окрестностях. Под землей найдем! – с угрозой пообещал он и вышел вслед за зятем, а мы с Певуньей остались в комнате вдвоем.

– Галина! – воспользовавшись этим, сказала я. – Я ведь не только по этому делу приехала, у меня и к тебе просьба есть, – и я достала из сумки снимок Светланы. – Посмотри! Может быть, сможешь мне что-нибудь о ней сказать.

– Я попробую, Елена Васильевна, – она с явным сомнением взяла листок в руки. – Только по портрету много-то не скажешь!

– А мне много и не надо, – успокоила я ее. – Мне важно узнать, где ее искать, а то ее все никак найти не могут, а это очень важно. Для меня важно! – подчеркнула я.

– Хорошо! – она по примеру своей бабушки села в то же кресло, в котором когда-то та предсказала мне встречу с Орловым, положила на журнальный столик портрет, а поверх него свои руки, закрыла глаза и довольно долго молчала, а потом начала говорить: – Далеко она отсюда... Очень-очень далеко... Много дней туда добираться надо... Вода вокруг нее... Одна вода вокруг... Плохо ей... Плачет она часто, но украдкой, когда не видит никто... А сама она в больнице какой-то, но не больная она, потому что халат на ней белый... А больница какая-то странная – почти одни мужики вокруг... И ребеночек у нее будет... Сын... Господи! – внезапно воскликнула Певунья. – Плохо-то ей как! Но скоро все изменится... Я вижу! Кончатся скоро ее несчастья! Радоваться она будет! Ох, как же она будет радоваться! А потом...

– Хватит, Галина! – остановила ее я. – Я уже поняла все, что надо! Спасибо тебе! А то смотри, устала как! Даже на висках пот выступил.

– Да! – согласилась она. – Нелегко это. Тем более по фотографии. А у вас, я гляжу, – и она начала, как и ее бабушка прошлым летом, смотреть куда-то поверх моей головы, но я резко оборвала ее:

– Молчи! Я ничего не хочу знать о своем будущем! Хватит с меня и того, что было! – и, видя, что она собирается возразить, решительно заявила: – Я понимаю, Галина, что ты это

из лучших побуждений, но не надо! – и, криво усмехнувшись, добавила: – Может, не будь предсказания твоей бабушки, моя жизнь по-другому бы повернулась.

– Нет, Елена Васильевна, – возразила она. – Это не бабушка моя виновата, а характер ваш поперечный. Вы словно сами себе все назло делаете!

– Твоя правда, Галина! – невесело согласилась я. – Только, что сделано, то сделано и назад не вернешь! Да и себя мне не переделать! – и вздохнула, а она, увидев это, собралась, было, что-то сказать, но я пресекла эту попытку на корню: – Молчи, Галина! Добром прошу: молчи! – на что она осуждающе покачала головой, но не сказала ни слова.

Я забрала у нее снимок Светланы, положила его сумку и, вернувшись на свое место около стола, начала машинально отщипывать кусочки невероятно вкусного пирога, думая о том, что же такого мог сказать Колька Орлову, что мигом утешило его. Но тут вернулся Диметр Романович и с порога заверил меня:

– Все сделано, Елена Васильевна! Обещаю: вы получите этого человека.

– Живым! – напомнила я, поднимаясь.

– Живым-живым! – подтвердил он. – Я же дал вам слово.

– Ну, что ж! Буду ждать от вас вестей!

Я, также как и Самсонову, оставила ему свою визитку с дописанным номером своего личного сотового и в его сопровождении направилась к машинам. Вячеслав с Сережей и остальные ребята выглядели такими довольными и счастливыми, что я поняла – их тоже угостили на славу.

– К вам домой, Елена Васильевна? – спросил Сергей, когда я, решив, что теперь могу и в своей машине поехать, села на заднее сидение.

– Домой! – устало откликнулась я и повторила: – Соберу вещи и в усадьбу.

– Так их там уже Маринка собирает, – сообщил мне Слава, усаживаясь впереди – до этого он о чем-то таинственно шептался с Певуньей. – Их, – он кивнул на машины охраны, – старший уже отзвонился туда, так что и комната вам тоже приготовлена.

– Господи! – взмолилась я. – Скорей бы кончился этот безумный день! – и посмотрела на часы – было около девяти. – Вот, честное слово, как только приедем, так тут же рухну и, если кто-нибудь вздумает меня до утра побеспокоить, то я за себя не ручаюсь. А о чем ты, Слава, с гадалкой-то секретничал, а? – спросила я, когда мы уже выехали из слободы на шоссе.

– Да вот... – замялся он. – Сказала она мне...

– Ну-ну? – подбодрила его я.

– Ну... Она сказала: «Не сомневайся! Ты ей тоже очень нравишься!», – смущенно почти прошептал он.

– М-да! – хмыкнула я. – И я даже знаю, кто эта таинственная «она». Ладно, ребяташки! Совет вам да любовь!

– А вам она велела передать... – начал, было, Вячеслав, но я возмущенно перебила его:

– Нет! Ну, что она за особа такая неугомонная! Я же ей сказала, что ничего о своем будущем знать не хочу!

– Так она же, как лучше, хотела! – растерянно возразил мне Слава.

– Лучшее – враг хорошего! – назидательно ответила я и подытожила: – Все! Вопрос закрыт! – и, достав сотовый, позвонила Вадиму: – У нас есть позиции на Дальнем Востоке? – спросила я, когда он мне ответил.

– А как же? – удивился он. – Конечно, есть! Представительство во Владивостоке и его отделения на Магадане и Сахалине – у нас же целая флотилия рыболовецких сейнеров.

– Вот и замечательно, – обрадовалась я. – Срочно свяжись с ними и распорядись, чтобы они проверили все ведомственные госпитали и больницы, потому что Светлана где-то в том регионе в каком-то из них медсестрой работает.

– Как ты смогла так быстро все выяснить? – обалдел Вадим.

– Совершенно ненаучным способом, но Певунья вряд ли ошибается, – устало ответила я. – Думаю, что теперь, наконец, в этой истории появится ясность и, не знаю, как остальные, а лично я вздохну с большим облегчением.

– Сейчас же свяжусь с ними, – пообещал он и я, выключив телефон, действительно с облегчением вздохнула – ну, слава богу, хоть об этом мне больше волноваться не надо было.

Глава 4

Около моего дома охранники опять разыграли целое цирковое представление. А уж когда они увидели свет в моих окнах, то тут же заявили, что войдут в квартиру первыми, хотя я и пыталась объяснить им, что там горничная Марина и моя домработница Варвара Тихоновна, которая живет в моем же подъезде на первом этаже. Но они даже слушать меня не стали и баба Варя, выглянув из кухни и увидев парней с автоматами наизготовку и уже только за их спинами – меня, горестно всплеснула руками:

– Господи, Леночка! А я-то думала, что все неприятности уже позади!

– Как называлась какая-то книга: «Неприятности – мое ремесло», – невесело отшутилась я и, зайдя в комнату, где действительно Марина собирала мои вещи, достала из бара фотографию Игоря и собрала положить ее в сумку, чтобы взять с собой в усадьбу, но потом решила, что не стоит: это мое и только мое! Я вернула фотографию обратно в бар и, повернувшись к девушке, вздохнула:

– Ну, что за день у тебя сегодня! То собираешь мои вещи, то разбираешь!

– Так это же моя работа, – просто ответила она и, увидев у меня за спиной Вячеслава, густо покраснела.

«Ой, ну какие же вы еще дети!» – по-стариковски подумала я, глядя на них, а вслух сказала:

– Там восточный костюм в шифоньере висит, так ты его тоже положи – я его Лидии Сергеевне показать обещала.

Не глядя в нашу сторону, она согласно закивала, а я пошла в кухню. Войдя, я от удивления застыла на месте, и было от чего. В своем персональном кресле в углу около батареи лежал, печально вздыхая, чем-то насмерть обиженный мой сибирский бело-бежевый кот Васька, который уже давно жил на два дома – то у меня, то у бабы Вари. А вот она сама даже не глядела в сторону своего мохнатого сокровища, хотя раньше всегда носилась с ним, как с малым ребенком.

– Какая кошка между вами пробежала? – с интересом спросила я.

– Белая! – гневно ответила она и замахнулась на Василиса полотенцем. – У-у-у, морда рыжая, наглая!

Пушистый негодяй твердо знал, что она его и пальцем не тронет, но, свято соблюдая правила игры, сделал вид, что страшно перепугался, лениво и грузно (из-за своего немалого веса) спрыгнул на пол и честно полез под кресло прятаться. Усевшись на его место, я пошарила рукой под креслом, выудила паршивца оттуда за лапу и водрузила к себе на колени, где он тут же улегся корабликом и даже не дожидаясь, когда я начну его гладить, демонстративно замурчал, как маленький трактор, так, что занавеска заколыхалась.

– Ну, и чего он такого страшного натворил? – недоуменно спросила я.

– А сблудничал! – возмущенно заявила она.

– А-а-а! Так он у нас мужчина в самом расцвете сил! Ему же пять лет всего! – почесывая Василиса за ухом, ответила я. – Кого он там оприходовал?

– Вот именно, что оприходовал! – продолжала бушевать баба Варя. – Ему по его происхождению только и приходовать что помойных мурок голубых подвальных кровей, а он?! Ты на кого позарился, паразит?!

– Да объясните вы, в чем дело! – не выдержала я.

– Так соседка моя, – начала объяснять баба Варя. – Ну, что в Аглаиной квартире теперь живет. Так вот, она, как на пенсию вышла, да как поняла, что на нее не прожить, решила котятами зарабатывать. Купила себе кошечку персидскую, да с такой родословной, что у царей короче, и стала ее растить. Красоты она неопишумой! – восхищалась она. – Словно шар бело-

снежный по полу катится, а от лапок только самые кончики и видать. Уж она ее и кормила, как положено, и витамины давала, чтобы и она сама здоровая была, и котятки потом тоже здоровые. Сама не доедала, а все ей да ей. Ровно с дочерью собственной с ней носилась. А женщины-то мы с ней одинокие, вот и повадились друг к другу в гости ходить. А тут на днях взяла она кошку на руки, а там!... – баба Варя горестно махнула рукой. – А ведь сразу-то и разберешь из-за пушистости ее невероятной! И, как же мы не углядели! – воскликнула она и снова замахнулась на Ваську, который, чувствуя себя в полнейшей безопасности, даже ухом не повел.

– Ну и чего теперь из этого трагедию делать? – удивилась я. – Пристрою я этих котят куда-нибудь! А вы уж в следующий раз следите за этим паршивцем повнимательнее.

– Так в том-то и дело, что следующего раза теперь уже не будет никогда! – возмущенно ответила баба Варя. – Навсегда теперь кошечка испорченная! Ее теперь с каким угодно чистопородным ни своди, а все равно в котятках его, паразита, рыжая масть проявиться может! У, гад! – и она гневно посмотрела на Ваську.

– Неужели действительно теперь и следующие котята могут в Ваську пойти, хотя у них будет совершенно другой отец? – недоверчиво спросила я.

– Точно, Елена Васильевна! – подтвердил стоявший в дверях Слава. – И у собак та же самая история. Это я по своей Найде знаю.

– А уж хозяйка-то как убивается! – продолжала, между тем, баба Варя. – Она же столько денег в Фифочку свою вложила, а теперь? Только себе оставлять, а она уже набалованная! Абы чего есть не будет! А денег-то ей на разные деликатесы, где взять?

– Ах ты, паразит! – я легонько потрепала Ваську за ухо. – Набедокурил? А мне теперь расхлебывать? – Услышав недовольные нотки в моем голосе, Василис замолчал, притих и явно собрался сбежать от греха подальше, но я удержала его: – Лежи уж, кошкин сын! На благородных тебя, вишь ты, потянуло! Эх, ты! – и, подумав немного, сказала бабе Варя: – Вы предупредите хозяйку, что я сегодня же у нее кошку куплю. Кстати, что это за кличка такая? Фифочка?

– Да, Нефертити она по документам, – озадаченно объяснила Варвара Тихоновна и недоуменно спросила: – Куда ж вы ее денете-то?

– А в усадьбу отвезу, малышам Репниным. Ей там хорошо будет, а уж кормить будут так, как ей здесь и не снилось.

– Так я побегу! – подхватила баба Варя.

Неласково сцапав Ваську и небрежно сунув его себе под мышку, на что он только обречено вздохнул, она шустро бросилась к дверям, чуть не столкнувшись с Мариной, которая тащила битком набитую сумку с моими вещами.

– Все готово, Елена Васильевна, – смущаясь от присутствия Вячеслава, доложила она.

– Ну и чего было самой-то сумку тягать? – грубовато забурчал Слава.

– Да не тяжелая она, – радостно вспыхнув от его заботы, залепетала Марина, а Вячеслав только отмахнулся:

– Ага! Я так и понял, что ты туда подушку пуховую положила! – и сам подхватил сумку.

Пока мы вышли из квартиры, пока мы ждали лифт, пока мы спустились на первый этаж, там, на площадке, уже почти подпрыгивая от нетерпения, нас ждала Варвара Тихоновна и, едва завидев меня, тут же бросилась к чуть-чуть приоткрытой двери кошачьей хозяйки, а я пошла за ней и, войдя, спросила:

– Ну, где здесь обесчещенная девица? – и почти тут же увидела ее. – Какая красавица! – невольно вырвалось у меня, а Нефертити, все правильно поняв (пусть кто-то другой говорит, что животные ничего не соотнобщают, а уж я-то по своему паршивцу точно знаю, что они порой поумнее иных людей будут), медленно и важно двинулась ко мне, а, подойдя и почувствовав знакомый Васькин запах, потерлась о мои ноги.

– Господи, да как же я с ней расстанусь-то?! – со слезами на глазах горестно качала головой пожилая, седая женщина. – Я же к ней, как к родной, привыкла!

– Смотрите, – сказала я. – Вам решать. Хотите оставить ее себе – оставляйте. Могу точно сказать только одно – ей там будет хорошо. Думаю, лучше, чем здесь, потому что денег для того, чтобы кормить ее по-прежнему, у вас, как я понимаю, нет.

– Да вот в том-то и дело! – печально согласилась она.

– Ну, а раз так, то я ее забираю, – решительно сказала я и протянула женщине заранее приготовленные деньги. – Здесь и за нее, и возмещение ваших расходов. А, если вы не передумали все-таки котятками заниматься, то здесь на новых кота с кошечкой хватит. Вы уж берите впредь сразу пару, чтобы больше таких накладок не было. Ну, так я забираю Фифу? – спросила я, видя, что она колеблется.

– А ей там точно хорошо будет? – искательно заглядывая мне в глаза, спросила она.

– Можете не сомневаться, – твердо заверила я ее и, вложив деньги ей в руку, нагнулась и подняла Нефертити. – Ну-с, будущая мамаша! Поехали!

– Господи! Да здесь же много! – испуганно воскликнула женщина, пересчитав деньги.

– А моральный ущерб? – рассмеялась я и направилась к выходу.

По дороге в усадьбу Фифа лежала у меня коленях и величественно оглядывала окружающих, а сидевшая рядом со мной Марина осторожно гладила ее по свисавшей вниз лапке и тихонько шептала:

– Ты же наша красавица! Ты же наша Фифочка! – а та милостиво принимала эти знаки внимания и еле слышно мурчала.

В «Сосенках» я первым делом отправилась к маленьким Репниным. Им недавно исполнилось по семь лет и мальчики с девочками спали, естественно, в разных комнатах, в которые вели двери из детской: Павлик и Сергей, сыновья-близнецы Саши, в той, что направо, а Милочка и Ниночка, дочери-близнецы Леши – налево. В коридоре я спрянула кошку под плащ, чтобы сделать им сюрприз. Войдя в детскую, я увидела там самую мирную на свете картину – малыши увлеченно слушали свою бабушку Лидию Сергеевну, которая читала им сказку «Царевна-лягушка», и тут же подумала, что мирной этой картине остается быть совсем недолго, особенно учитывая непоседливый характер егозы Милочки.

– Добрый вечер! – сказала я. – Я была в санатории и поэтому поздравить вас с днем рождения не могла, вот и хочу сейчас исправить свою оплошность и вручить подарок.

С этими словами я достала из-под плаща Фифу и аккуратно поставила ее на пол. Несколько секунд стояла мертвая тишина, а потом, как я и ожидала, раздался восхищенный вздох и Ниночка, молитвенно сложив руки на груди, выдохнула:

– Принцесса! – а потом, подумав, уточнила: – Нет! Она у нас будет царевна! Царевна-кошка!

Мальчики старательно делали вид, что, мол, ничего особенного не произошло – подумаешь, кошка! – но глаз от Нефертити не отрывали. А неугомонная Милочка, вопреки моим ожиданиям, просто сидела, остолбенев от такого невиданного счастья, и, кажется, даже не дышала. Дети собрались, было, соскочить со стульев, чтобы подойти и познакомиться с кошечкой поближе, но я остановила их:

– Подождите! Дайте ей немного освоиться! Пусть она походит и все обнюхает. – А Фифа, словно услышав и поняв, что я сказала, начала медленно и величественно обходить комнату, знакомясь со своими новыми владениями, а я тем временем продолжала: – Зовут эту красавицу Нефертити. Можно Фифа или Фифочка. – Услышав свое имя, кошка остановилась и повернулась в мою сторону, но поняв, что тревога была ложной, недовольно фыркнула и двинулась дальше. – Ее можно гладить, расчесывать и всячески ласкать, но, ни в коем случае, грубо не тискать, друг у друга не вырывать и с высоты не бросать, потому что у нее скоро будут котята.

– Котятки! – восторженно прошептала Милочка, не отрывая взгляда от Фифы, и тут же заинтересованно повернулась ко мне: – А кто у них папа?

– Мой обормот Васька! – вздохнула я.

– Значит, они рыженькие будут? – уточнила она.

– Кто же знает? – пожалала я плечами. – Могут быть и рыжие. Точнее, бежевые.

В то время, которое казалось мне теперь ужасно далеким и каким-то даже ненастоящим, когда я с Игорьком, мамой, Орловым и бабой Варей жила в нашем коттедже, который стоял прямо напротив поворота с Пионерского шоссе к усадьбе, Репнины с женами и детьми были там частыми гостями. И малыши затискали Ваську до того, что он при виде их тут же сбежал на второй этаж в комнату Варвары Тихоновны, где прятался под кровать, а дети, будучи хорошо воспитанными, ни за что не вошли бы без спроса в чужую комнату. Вот они и зывали к нему из коридора, уговаривая поиграть с ними, а он, помятую прошлый горький опыт, на провокации не поддавался и отсиживался в безопасном месте.

Нефертити, тем временем, обследовав детскую, направлялась к спальне девочек и дети потихоньку, на цыпочках двинулись туда же, чтобы посмотреть, что она будет там делать, а кошка без долгих раздумий вспрыгнула на чью-то кровать и, улегшись на бок, с царственным видом оглядела малышей, свои новых подданных.

– Она со мной будет спать! Она со мной будет спать! – не выдержав такого счастья, заведущая Милочка и кошка, вздрогнув от ее крика, тут же спрыгнула на пол.

– Не надо было кричать, – объяснила я девочке. – Теперь она решила, что ей туда запрыгивать нельзя и больше никогда этого делать не будет.

Услышав это, Милочка тут же зашмыгала носом, а ее глаза налились слезами.

– Фифочка! Милая! – плачущим голосом запрочитала она, бросаясь к кошке, а та, перепуганная – от нее. – Я не хотела тебя испугать! Залезай назад! Ну, пожалуйста, Фифочка! Ну, я тебя очень прошу! Я тебя больше никогда-никогда пугать не буду!

– Это неправильно! – решительно сказал Павлик. – Она сама выберет, где ей спать! Да, Фифа? – спросил он у кошки, которая, ничего не понимая, сердито смотрела на меня, словно хотела сказать: «Ну и куда же ты меня привезла?».

– Все, дети! – решительно сказала Лидия Сергеевна, которая уже давно отложила книгу и с улыбкой наблюдала за внуками. – Перестаньте нервировать нашу красавицу! – Она встала, подошла поближе к кошке и, присев на корточки и протянув в сторону Фифы открытые ладони, начала подзывать ее: – Иди ко мне, моя хорошая! Иди ко мне, моя Фифочка! – Кошка немного подумала, осторожно подошла, понюхала протянутые руки, а потом потерлась о них. – Ну, вот и все, кисонька! – ласково приговаривая, Лидия Сергеевна взяла кошку на руки и, поднявшись, прижала ее к себе и начала гладить. – Сейчас я тебя чем-нибудь вкусненьким накормлю, и мы пойдем ко мне! Ты теперь у меня в комнате жить будешь!

– Бабуля! – в один голос возмущенно завопили дети. – Это нечестно! Ее нам подарили!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.